
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

№ 50 (2059)

11 ДЕКАБРЯ 1966

1941–1966

ЗДЕСЬ, У ВОРОТ МОСКВЫ, БЫЛО ОСТАНОВЛЕНО ВРАЖЕСКОЕ НАШЕСТВИЕ. ОТСЮДА НАЧАЛАСЬ ПОБЕДА.

Противотанковые «ежи» — часть монумента Славы, сооруженного молодежью столицы на 23-м километре Ленинградского шоссе.

Фото А. Бочинина.

Москва. Кремлевский Дворец съездов. Торжественное собрание, посвященное 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОДВИГ НАР

Волнующие дни переживает сейчас наша страна. Советский народ с глубоким патриотическим чувством отмечает 25-летие исторической победы, одержанной в битве с фашистами под Москвой, победы, которая стала крутым поворотом в ходе второй мировой войны.

Бесконечна любовь и признательность народа к своим героям. Все дальше в прошлое уходят суровые, грозовые дни войны. Но в благодарной памяти людской не тускнеют подвиги, свершенные воинами. И сегодня Родина славит своих доблестных защитников — и тех, кто сложил головы на полях сражений, и тех, кто, победоносно завершив войну, вернулся под родимый кров.

...Субботний декабрьский день. Из Крюкова в Москву прибывает траурный кортеж. На артиллерийском лафете — гроб с прахом Неизвестного солдата. Вслед за гробом по улицам столицы идут герои обороны Москвы, давно уже снявшие походные шинели. Тысячи москвичей собрались, чтоб проводить в последний путь безымянного героя. На глазах у людей слезы. Их невозможно сдержать: слишком много пережито в дни войны, слишком свежи в памяти раны, нанесенные ею.

Александровский сад. Гроб с останками героя сопровождают руководители Коммунистической партии и Советского правительства, Маршалы Советского Союза. Гремит троекратный артиллерийский салют. Гроб опускают в могилу у Кремлевской стены. На мраморной плите у подножия огромного холма из цветов начертано:

ИМЯ ТВОЕ НЕИЗВЕСТНО
ПОДВИГ ТВОЙ БЕССМЕРТЕН
1941 ПАВШИМ ЗА РОДИНУ 1945

В День Победы, в радостном мае пятидесятого года Великого Октября, на могиле верного сына Страны Советов возгорится негасимый огонь. И свет этого пламени озарит сегодняшние героические свершения города-солдата, города-труженика....

Клятвой погибшим героям звучали слова ораторов на митингах, которые проходили в эти дни во всех районах столицы, в городах и селах Подмосковья... 41-й километр Ленинградского шоссе, 71-й Можайского, 75-й Киевского, Истринское, Каширское направления... Монументы, обелиски, братские могилы павших. Сюда пришли москвичи и жители Подмосковья, пришли, чтоб поклониться праху воинов, которые жизнью своей отстояли Москву.

«Бессмертный подвиг защитников Москвы, грудью отстоявших столицу,— говорится в приветствии Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР трудящимся Москвы, Московской области, участникам великой битвы под Москвой,—будет всегда служить примером беззаветной преданности социалистической Отчизне».

Бесконечный людской поток стремился в Музей Революции СССР и Центральный музей Вооруженных Сил СССР. Здесь представлены экспозиции, посвященные 25-летию героической битвы под Москвой.

Множество народа уже побывало и в Центральном выставочном зале, в Манеже, где открылась выставка под названием «Защитникам Москвы посвящается...». Несхожи произведения, выставленные здесь. И все же есть в них общее: память сердца — вот что вызвало к жизни все эти творения мастеров. Диорамы «Бой под Крюковом» и «Салют победы» размещены одна против другой. И это не случайно. Ведь победа под Москвой явилась началом всех дальнейших успехов Совет-

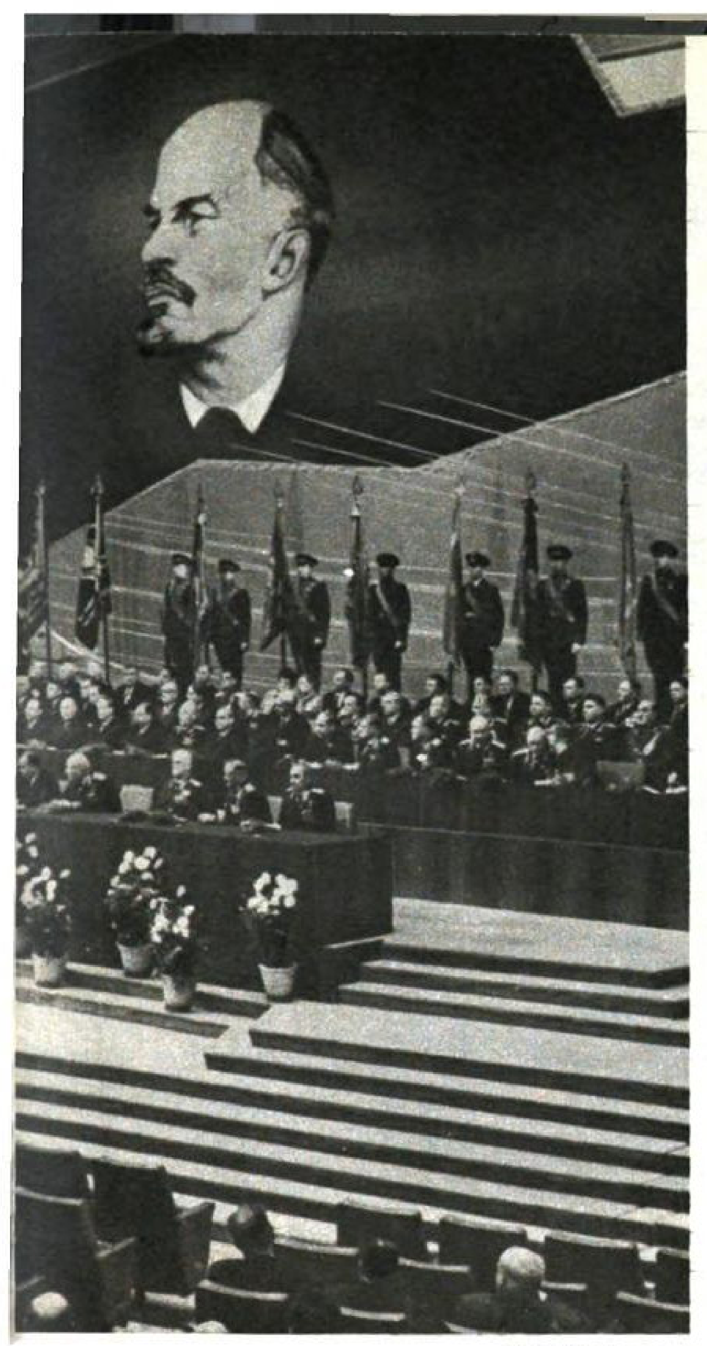

Фото Е. Умнова.

Москва салютует своим героям.

Фото А. Гостева.

ОДА

ской Армии, послужила провозвестницей великой победы в 1945-м.

И ныне, торжественно отмечая 25-летие грандиозной битвы, положившей начало разгрому фашистской Германии, советские люди с радостью встретили известия о награждении орденами Московской, Ленинградской и Калининской областей, Тулы, Минска и Смоленска за отвагу и мужество, проявленные их жителями в период Великой Отечественной войны, за успехи, достигнутые в мирном труде.

6 декабря в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное собрание, посвященное 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой.

Вечером небо над Москвой расцветили праздничные гроздья салюта. Тридцать артиллерийских залпов прозвучали в честь бессмертного подвига советских воинов, в честь живых и павших, отстоявших Москву от фашистов.

Визит дружбы

Успехом отмечен визит во Францию Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина. А. Н. Косыгин продолжил в Париже переговоры, начатые в Москве советскими и французскими руководителями во время пребывания в нашей стране Президента Франции генерала де Голля. Радушная, теплая встреча главы Советского правительства французским народом, откровенность и дружественный характер бесед и переговоров с государственными деятелями Франции свидетельствуют о том, что советско-французские отношения находятся на верном пути. Это полностью соответствует чаяниям советского и французского народов, стремлению народов Европы к укреплению мира и безопасности на нашем континенте.

В Париже Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин посетил Сорбонну. На снимке запечатлен момент вручения А. Н. Косыгину памятной золотой медали этого старейшего французского университета.

Фото В. Соболева (ТАСС).

ОРДЕНОНОСНЫЙ НОВОРОССИЙСК

Новороссийск. Торжественное собрание, посвященное вручению городу ордена Отечественной войны I степени. Член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко прикрепляет орден к знамени Новороссийска.

Фото Е. Шулепова (ТАСС).

А. СОФРОНОВ

Красное знамя Новороссийска внесли в зал, где открылось торжественное заседание, посвященное вручению ордена Отечественной войны первой степени. Этот боевой орден новороссийцам вручил член Политбюро ЦК КПСС секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Пионерские горны призывно затрубили, и в зал вошло молодое поколение новороссийцев. Был теплый, тихий декабрьский вечер. На черноморском небе ярко блестели звезды. Боевые корабли Черноморского флота сверкали праздничными огнями. На улицах звучали песни. У памятников героям Новороссийска Цезарю Куникову и Николаю Сипягину горел вечный огонь славы, звучала печально-торжественная мелодия, написанная Дмитрием Шостаковичем...

А я вспоминал другой Новороссийск. Разбитый, в пепле и дыму.

...Занимался зеленый, с алыми проблесками рассвет. Прорвав боновые заграждения, торпедные и сторожевые катера устремились к гавани, туда, где все дышало и клокотало огнем. С Малой земли, с цементного завода «Октябрь», со всех сторон начался штурм города. Стоя на горе, мы видели все это словно на гигантской панораме.

Мы видели, как в Цемесской бухте клокотала сине-зеленая вода от разрывов снарядов, вскидывались сверкающие в лучах встающего солнца капли воды, прошитые пулеметными очередями. Где-то горели катера. Оранжевое пламя вспыхивало во всех концах города. И над всем этим боевым простором раскатывалось могучее русское «ура». Торпедные сторожевые катера, сделав свое дело, повернули от гавани и начали уходить в море. Мы сели в машины и помчались в Геленджик, чтобы встретить тех, с кем сдружились за месяцы обороны Новороссийска. И вот они в наших объятиях — Николай Сипягин и его друзья, пропахшие порохом, с красными, воспаленными глазами. Затем мы снова сели в машины и отправились в Новороссийск. Возле цементного завода «Октябрь» встретили раненых. Наспех перевязанные, они

Москва. У могилы Неизвестного солдата.

Фото Е. Умнова.

сидели возле разбитой стены. Глаза у них сверкали.

— Новороссийск наш! — кричали они.

Мы шли по вздыбленным мостовым. Вездесущие кинооператоры фиксировали момент водружения красного знамени над воротами завода. Знамя трепетало на ветру. Солдаты и морские пехотинцы стреляли в воздух. Бросали пилотки и каски. На площадях города обнимались те, кто вошел в Новороссийск с разных сторон. Мужественное племя малоземельцев приветствовало тех, кто высаживался со стороны Цемесской бухты, тех, кто закрыл дорогу на Черноморское побережье — в Грузию, Баку...

Немцы покатились к Анапе и к Тамани.

Все это было. Все это вошло в историю как геройский подвиг. Сейчас многих нет в живых. Но остались их имена. Осталась память о подвиге защитников Новороссийска. Обо всех вместе и каждом из них поименно.

Я стоял у гранитного памятника Герою Советского Союза Николаю Сипягину... Коля, Коля! Ты, как и многие твои друзья, стал легендой, вечной, как плеск Черного моря, как эти горы, что окружают Новороссийск, как эти могучие железные краны в гавани, как все, чем мы живем и дышим сейчас. Нет человека, но есть неистребимая память, которая каждому из нас оставляет в сердце ощущение продолжения жизни ради счастья новых поколений, ради тех, чьи пионерские галстуки сегодня, подобно язычкам пламени, вьются на ветру.

На торжественном заседании командир бывшей военно-морской базы в Новороссийске вице-адмирал Герой Советского Союза Г. Н. Холостяков сказал:

— В праздник пятнадцатой годовщины освобождения Новороссийска мне было доверено — и я горжусь этим — зажечь в городе, на площади Героев, вечный огонь славы в честь павших в боях героев. Давайте зажжем такое же яркое, негасимое пламя патриотизма в сердцах наших детей и внуков. Пусть они всегда будут верными сынами своей Родины, пусть так же страстно любят и защищают ее, как это делали герои-малоземельцы, все защитники города Новороссийска, весь наш могучий советский народ!

Красный флаг орденоносного Новороссийска вьется на свежем черноморском ветру.

На художественной выставке в Манеже. Участники боев за Москву воины-панфиловцы И. Р. Васильев и Г. М. Шемякин рассказывают посетителям выставки о битве под Москвой.

Фото В. Егорова и Э. Евзерихина (ТАСС).

НАВЕКИ НЕРУШИМ СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК, НИКОГДА НЕ ПОМЕРКНЕТ СОЗВЕЗДИЕ СВОБОДНЫХ И РАВНЫХ! ДРУЖБА НАРОДОВ — ВЕЛИЧАЙШЕЕ ЗАВОЕВАНИЕ ОКТЯБРЯ.

«ОГОНЕК» НАЧИНАЕТ РАССКАЗ О ЖИЗНИ БРАТСКИХ РЕСПУБЛИК.

Вопрос. За пятьдесят послеоктябрьских лет у Компартии Белоруссии было немало трудных дней: гражданская война, ликвидация экономической и культурной отсталости, нашествие гитлеровских захватчиков, восстановительный период... Что сохраняло в такие дни ее единство и силу?

Ответ. Да, действительно трудных дней было много. Порой вопрос стоял так: выстоять или погибнуть. И всякий раз партийная организация Белоруссии — один из боевых отрядов КПСС — с честью выдерживала экзамен истории, успешно преодолевала возникавшие трудности. Что помогало коммунистам Белоруссии сохранять уверенность в победе, обретать недюжинную силу? Прежде всего верность великому марксистско-ленинскому учению, беззаветная преданность делу пролетарской революции, делу социализма и коммунизма, сплоченность вокруг ленинского ЦК. Во-вторых, умение по-ленински убеждать массы в правильности политики партии и вести их на самоотверженную борьбу за претворение в жизнь этой политики. Тесное, неразрывное единение нашей партии и народа решило судьбу и Октябрьской революции и гражданской войны, обеспечило успех в строительстве социалистического общества. Своими делами партия завоевала безграничное доверие рабочих, крестьян, всех трудящихся.

Вспомним 1924 год. Страна была потрясена вестью о смерти вождя революции В. И. Ленина. В то трудное время по ленинскому призыву партийная организация республики в короткий срок пополнилась более чем двумя тысячами новых членов. А период Великой Отечественной войны? Свыше миллиона белорусов ушло в Советскую Армию. Всем известен размах партизанского движения на белорусской земле. Свыше 440 тысяч партизан и подпольщиков включилось тогда в активную вооруженную борьбу против гитлеровцев, земля горела у врага под ногами, была для него линией фронта. Организаторами всенародной войны против фашизма выступали опять-таки коммунисты, действовавшие под руководством 10 подпольных обкомов и 174 горкомов и райкомов партии.

Единство партии и народа ярко проявилось и в мирные дни. Белоруссия не только в короткие сроки покончила с послевоенной разрухой, но и создала заново целые отрасли индустрии, обеспечила дальнейшее развитие сельского хозяйства, подъем народного образования, науки и культуры.

Лучшей оценкой деятельности трудящихся республики, ее партийной организации являются ордена на знамени Белоруссии и орден Ленина, которым награждена на днях наша столица — Минск.

Вопрос. За полвека родилось и окрепло содружество народов Советского Союза. Как это содружество помогало и помогает белорусскому народу решать задачи коммунистического строительства?

Ответ. Если проследить год за годом историю Советской Белоруссии, то нетрудно убедиться, что с самых первых дней своего существования республика опиралась на щедрую, бескорыстную помощь народов-братьев, в первую очередь, конечно, на помощь великого русского народа. Разве мыслимо было бы без этой помощи такое быстрое превращение Белоруссии из отсталой окраины царской России в передовую индустриально-колхозную республику!

Белорусский народ никогда не забудет ту огромную помощь, которую оказали ему народы-братья в тяжелые послевоенные годы. Как только республика была освобождена от немецко-фашистских оккупантов, сразу же к нам со всех концов страны начали прибывать эшелоны с металлом, строительными материалами, оборудованием, продовольствием, одеждой. Поистине делом рук всего советского народа явилось возведение минских автомобильного, тракторного заводов и многих других предприятий. На стройках трудились тысячи специалистов, высококвалифицированных рабочих, приехавших из РСФСР, с Украины и других братских республик. Ведущие архитекторы Москвы, Ленинграда приняли участие в возрождении белорусской столицы — города Минска.

Совместный труд рабочих, инженеров, техников, строителей Белоруссии и представителей других союзных республик явился воплощением дружбы, единства и сплоченности советских людей, школой формирования нового человека.

Сегодня могучая сила дружбы народов служит великому делу созидания коммунизма. У наших народов сложилась хорошая традиция —

◄ **Белорусский автозавод. 27-тонный самосвал испытывает водитель Александр Репчик.**

СЛОВО ИМЕЕТ БЕЛОРУССИЯ

ПОЛВЕКА

Интервью журнала «Огонек» с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Первым секретарем ЦК КПБ тов. П. М. МАШЕРОВЫМ.

бескорыстно передавать друг другу свой опыт, по-братски делиться своими достижениями во всех областях экономики, науки и культуры. Все теснее и органичнее становятся производственные связи республик. Взаимная помощь и поддержка превратились в непреложный закон жизни всех народов Страны Советов.

Для нас, как и для народов всех советских республик, важно взаимное обогащение культур. Оно идет непрерывно. Стоит вспомнить хотя бы декаду русского искусства, дни таджикской и литовской литератур в Белоруссии, фестиваль белорусского искусства в РСФСР, декаду белорусской литературы и искусства в Узбекистане, дни белорусской литературы в Таджикской ССР.

Вопрос. В чем сегодня сказывается влияние Октября на развитие национальной культуры республики?

Ответ. Известно, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране было навсегда ликвидировано национальное неравноправие, возникло государство, которое своим примером указывает всем народам пути решения национального вопроса, объединения их в единую, монолитную семью. Октябрьская революция дала выход огромным творческим силам народов нашей страны, в том числе и белорусского. Это обусловило бурный подъем национальной культуры. Судите сами. До 1917 года для Белоруссии были характерны сплошная неграмотность, отсутствие национальных кадров, высших учебных заведений, доступных народу учреждений культуры.

Сейчас Белоруссия стала республикой сплошной грамотности. В ее народном хозяйстве работает почти 400 тысяч специалистов с высшим и средним образованием. Республика имеет своих ученых, инженеров, композиторов, врачей, агрономов, писателей, экономистов... Национальные кадры готовятся в десятках вузов и техникумов Белоруссии, в Москве, Ленинграде и ряде других городов страны. Кузницами кадров стали Белорусская Академия наук, Государственный университет, Политехнический институт и другие учебные заведения и научные учреждения. Первых студентов принял летом этого года инженерно-строительный институт в Бресте, расширен Белорусский технологический институт имени С. М. Кирова, создан еще один факультет в институте механизации сельского хозяйства.

Пятьдесят лет назад Белоруссия и не мечтала иметь научно-исследовательские центры, своих ученых. А сегодня только в Академии наук БССР действуют десятки институтов, лабораторий, отделов. Белорусские ученые завоевывают международное признание. Так, на международном симпозиуме по термодинамике, например, работы Института тепло- и массообмена АН БССР в этой области признаны лучшими.

Можно долго перечислять произведения литературы и искусства, которые перешагнули границы республики и даже страны. К 50-летию Советской власти мы ждем — и на то есть все основания — новых работ, прославляющих Родину, партию, подвиги строителей нового общества.

Вопрос. О каких победах Белоруссии в экономике, культурном строительстве, научных исканиях страна узнает в нынешнем юбилейном году?

Ответ. Тут надо, видимо, начать с нашего сегодняшнего индустриального облика. Сейчас Белоруссия производит тракторы и грузовые автомобили, подшипники и металлорежущие станки, силосоуборочные комбайны и минеральные удобрения, телевизоры и наручные часы, цемент, мотоциклы, льняные ткани и обувь, велосипеды и радиоприемники, искусственное волокно и электродвигатели... За семилетие промышленное производство в республике удвоилось; введено в действие свыше 300 предприятий и цехов, в том числе такие крупные заводы, как Полоцкий нефтеперерабатывающий, Минский моторный, Гродненский азотнотуковый, Светлогорский завод искусственного волокна, два калийных комбината в Солигорске. Изменилась и структура промышленности: появились электроника, приборостроение, нефтеперерабатывающая, электротехническая и другие отрасли экономики.

Вдохновляющие перспективы дальнейшего индустриального роста республики открылись в новой пятилетке. В юбилейный год промышленность продолжит переход на новую систему планирования и экономического стимулирования. Объем валовой продукции увеличится в 1967 году в промышленности как минимум на 11 процентов, в сельском хозяйстве — на 6, национальный доход возрастет на 8,9 процента. Выработка электроэнергии увеличится на 17 процентов и составит более 10 миллиардов киловатт-часов.

Страна услышит рапорты наших химиков. Войдут в строй новые мощности в Солигорске, на Светлогорском заводе искусственного волокна, Гомельском суперфосфатном заводе... Привычной деталью пейзажа белорусского Полесья становятся нефтяные вышки. К концу следующего года здесь будет эксплуатироваться более 40 скважин.

Порадуют Родину и машиностроители. В юбилейном году Белорусский автозавод начнет выпускать 40-тонные самосвалы «БелАЗ-548», а на тракторном годовая цифра сборки машин приблизится к 80 тысячам.

Трудовые подарки к славному юбилею готовят и работники легкой промышленности. Расширится производство на Барановичском хлопчатобумажном комбинате, Витебской шелкоткацкой фабрике. Выпуск льняных изделий составит 55 миллионов метров, шерстяных тканей — почти 22 миллиона метров; кожаной обуви — 31 миллион пар.

Не сомневаюсь, что труженики республики будут настойчиво добиваться повышения качества, добротности, долговечности изделий с маркой «Сделано в Белорусской ССР». Наша уверенность основывается на итогах завершающегося года. За 10 месяцев объем валовой продукции промышленности составил 4 123 миллиона рублей, это на 14,3 процента выше, чем за соответствующий период 1965 года.

В сельском хозяйстве в оборот будут включены новые тысячи гектаров земель, отвоеванных у болот, возрастает урожайность полей, продуктивность скота. Можно добавить, что за 10 месяцев текущего года мы продали государству 437 тысяч тонн мяса в живом весе, а молока — 1 843,7 тысячи тонн. Годовой план государственных закупок молока уже выполнен на 109 процентов.

В предстоящем году завершится в основном электрификация колхозов и совхозов. На селе ведется большое культурное строительство. Быстро меняется облик наших деревень.

Деятели науки, литературы и искусства порадуют страну новыми открытиями, книгами, кинофильмами, спектаклями, концертными программами, произведениями живописи, музыки.

Словом, сейчас все советские люди трудятся самоотверженно, стремятся достойно встретить 50-летие Великого Октября.

Вопрос. Полвека — это только этап в жизни народа, партии, государства. Завтра жизнь поставит новые задачи, понадобятся новые усилия, новый взлет творческой мысли. Что в связи с этим вы хотели бы сказать тем, кто принимает эстафету у ветеранов партии?

Ответ. Не успокаиваться на достигнутом. Перед нами стоит великая цель — обеспечить построение коммунизма. И чтобы достичь ее, надо, чтобы каждый из нас на своем участке трудился напряженно, творчески, отдавал все свои силы осуществлению решений XXIII съезда КПСС. Необходимо постоянно сверять свои планы, мысли и поступки с бессмертным учением Ленина.

Те, кто принимает эстафету у ветеранов революции, у ветеранов войны и труда, должны помнить, что слава и процветание нашей Родины добыты в суровой борьбе, героическими усилиями. И дело чести каждого — не только беречь революционные завоевания, но и приумножать их. Следует неустанно крепить братскую дружбу и единство советских народов, хранить верность великим идеям марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Надо свято беречь завоевания социализма. Словом, надо быть коммунистом, надо быть достойным этого самого благородного и самого высокого звания. Под знаменем Ленина мы совершили победоносную Октябрьскую революцию и построили социализм, под этим знаменем мы уверенно идем вперед и добьемся победы коммунизма.

ПРИМЕТЫ ДНЯ И ВЕТРЫ ИСТОРИИ

А. ЩЕРБАКОВ

Она много видела, старая «Варшавка». И о многом может рассказать. По этой дороге мчалась к Москве конница Наполеона, громыхали танки Гудериана (а потом, спасаясь, удирали обратно). Партизаны устраивали возле нее засады против гитлеровцев...

Мы проехали по той части Варшавского шоссе, что пролегла от Бреста до Кричева, и попытались здесь, на дороге, ощутить приметы сегодняшнего дня республики и дуновение ветров истории.

...Брест. Уютный, гостеприимный, самый, пожалуй, туристский город Белоруссии. Когда мы приехали туда, жизнь в нем шла своим чередом: горожане ждали гостей из Таджикистана, иностранцы выбирали сувениры и покупали значки с эмблемой города: тревожное полыхание иссеченного красного флага над развалинами кирпичной стены. На железнодорожных путях томились вагоны с адресами дальними и близкими. На улице ребята играли в защитников Брестской крепости.

А настоящей крепостью с самого утра овладели экскурсанты из Москвы, с Украины, Северного Кавказа, из Сибири. Экскурсовод с орденскими планками на пиджаке водил группу украинских школьников от одного памятного места к другому, показывал и рассказывал: здесь была застава Кижеватова, это остатки казарм полковой школы... Он говорил о комиссаре Фомине и пограничниках, погибших, но не ушедших с постов.

Покинув Брест, мы свернули на одну из дорог, чтоб попасть в Каменецкий район, побывать на осеннем празднике в колхозе «Советская Белоруссия».

Колхозный голова Владимир Леонтьевич Бедуля много рассказывал нам о радостных итогах года. Приводил цифры, называл фамилии. А заключил рассказ так:

— Да что говорить! Смотрите, как празднуем. Всего вдоволь...

Широко размахнулся в празднике колхоз: минские артисты, оркестр, тысяча арбузов, специально заказанных по случаю торжества.

Прощаемся с колхозниками и снова — на Варшавское шоссе, где ждет нас Кобрин. Тут стоит домик, где в 1797 и 1800 годах бывал Александр Васильевич Суворов. В домике военно-исторический музей, а неподалеку от него старинный памятник со словами: «Русским воинам, одержавшим первую победу над Наполеоном в пределах России 15 июля 1812 года...».

После старинных памятников как-то острее ощущаешь новое. Возле самой дороги на поле садится юркий «АН-2», набивает карманы удобрениями, старательно разбегается, взмывает ввысь и рассеивает свою ношу над полем. Забота о хлебе! Авиация и урожай. Для здешних западнобелорусских земель это новинка. Колхозники из «Любищиц» не нарадуются на авиаторов.

...Шоссе многолико и пестро. Трудно даже определить, хоть на глазок, куда и по каким делам спешат «ЗИЛы», «МАЗы», «ГАЗы». Но, присмотревшись поближе, постояв на перекрестке дорог, побеседовав с одним-другим водителем, догадываешься: ты в округе больших строек.

Действительно, чуть свернешь вправо за Березой — и ты уже в Белоозерске, где поднялась мощная ГРЭС. Западные районы Белорусского Полесья, еще сравнительно недавно коротавшие вечера с лучиной, перешли теперь на щедрое электрическое довольствие березовских турбин.

В Барановичах — они немного в стороне от «Варшавки», но крепко привязаны к ней — тоже огромная, теперь почти завершенная стройка: хлопчатобумажный комбинат, рассчитанный на выпуск 65 с лишним миллионов метров тканей в год. В Слуцке недавно пущен сахарный завод, в Бобруйске...

Стоп! Тут вновь повеяло историей. Вероятно, не очень многие наши читатели знают, что в 1810 году в Бобруйске была заложена крепость, что в период Отечественной войны 1812 года после тяжелых боев с армией маршала Даву здесь останавливалась 2-я армия Багратиона. Он дал тут солдатам короткий отдых и потом увел свое войско, оставив в крепости пятитысячный гарнизон во главе с генерал-майором Игнатьевым. Четыре месяца у крепости и города топтались 20 тысяч вражеских солдат, а гарнизон все держался.

Позднее крепость превратилась в тюрьму, где томились декабристы.

Бобруйск не забыл бои с кайзеровским воинством в 1918 году, не забыл, разумеется, и бои на Березине в сорок первом и нестерпимо горячий для гитлеровцев «котел» сорок четвертого. Много хлебнул он горя от вечных спутников войны — пожаров, артиллерийских обстрелов, бомбежек, разорений. В послевоенные годы здесь вошли в строй заводы резиновых технических изделий, кожевенный, сельхозмашиностроения. В Бобруйске не преминут напомнить вам, что это их фабрика имени Халтурина поставляла мебель Дворцу съездов, университетским корпусам на Ленинских горах, гостинице «Украина». Но предмет особой гордости горожан — стройка шинного завода, одного из крупнейших в Европе. Первая очередь войдет в строй к 1970 году. Директор будущего шинного гиганта Валентин Иванович Кравченко рассказ о заводе начал с цветов:

— Это очень здорово — обилие свободного пара позволит нам построить оранжерею. У нас будет очень много цветов...

Недалеко от Бобруйска, на земле колхоза имени Дзержинского, работают мелиораторы. Идем к ним. Знакомимся. Мастер Семен Минич, бригадир по укладке дренажа Варя Бренько, бульдозерист Виктор Остапенко, тракторист Михаил Головач. Готовят массив под залужение. Работы оплачивает государство. За лето осушили 370 гектаров. Варя Бренько из Западной Белоруссии. Вместе с братом Александром приехала она сюда на практику из Пинского гидромелиоративного техникума. Пятикурсники. Варя собирается учиться дальше, в сельхозакадемии.

...Стемнело. Надо искать приют и ночлег. Дорога привела в Рогачев, туда, где трогательно встречаются несмелая Друть и входящий в силу Днепр. Удивительно приятный город! Уютная, современная гостиница, кафе «Снежинка», где вкусно кормят, где люди стараются обслужить вас быстро, хорошо, с улыбкой.

...Довск — перекресток двух больших шоссе: «Варшавки» и магистрали Ленинград — Киев — Одесса. Цифры указателей всегда повергают путешественника в раздумья: «До Москвы — 575 км», «До Ленинграда — 860 км», «До Киева — 340 км», «До Бреста — 476 км». Сколько приятных возможностей, и кажется, что до всех этих городов рукой подать!

Площадка, отведенная под стоянку автомобилей, густо населена. Любопытно послушать, о чем толкуют шоферы.

Валентин Петрович Дмитриев — ленинградец. Он уже 15-й год на дальних трассах. Все эти стрелки с километрами много раз мелькали мимо окон его машины. Сейчас возвращается из Днепропетровска, а вообще ходил в Москву, в Баку, Закарпатье.

Как поездка, так дней двенадцать, а то и четырнадцать в дороге. Жизнь кочевая, и, естественно, Дмитриев тут же переключается на дорожную волну:

— Сегодня ночевал в кабине. Слава богу, «шкода» для этого приспособлена. В Довской гостинице мест не оказалось. Да и вообще, доложу я вам, Довск не лучший городок на таком перекрестке.

Мы слушаем шофера и вспоминаем Рогачев с его хлебосольством и теплом. Вот у кого учиться надо! Впрочем, Довск — это не город, не районный центр. Потому-то его не очень ищут по вечерам желтые глаза грузовиков, автобусов, такси...

Коль уж зашла речь о небольших городках, поселках, то нельзя не отметить, что и районным центрам везет далеко не всем. Свидетельство тому — поджидавшие нас за Довском Славгород и Чериков. Есть тут две-три средние школы, мелкие предприятия, не весьма привлекательные Дома культуры (в богатых колхозах они и то лучше!), ну и несколько мастерских, которые весьма условно можно отнести к службе быта. Больших предприятий, способных изменить облик этих поселков, здесь не закладывают. Говорят, нецелесообразно. Вот и не задерживается тут молодежь, мало тут людей с высшим образованием. Разумно ли так хозяйствовать, действительно ли нецелесообразно закладывать новые предприятия в маленьких городках? Вот какие мысли навевает дорога.

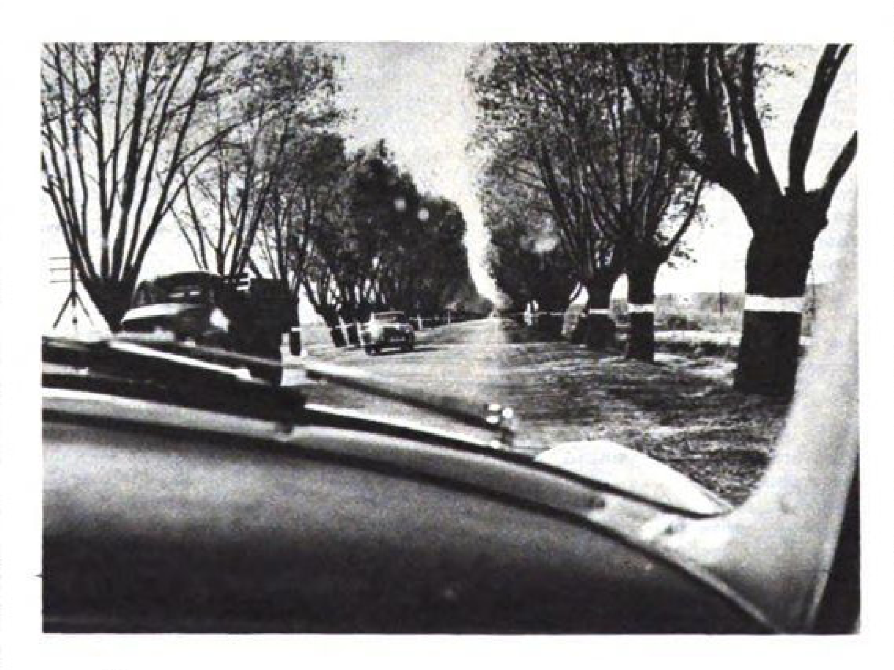
...Скоро Кричев. Километрах в трех от города останавливаемся у обелиска на обочине. На обелиске — два скрещенных орудийных ствола и надпись: «Здесь на рассвете 17 июля 1941 года вступил в единоборство с колонной фашистских танков и в двухчасовом бою отбил все атаки врага старший сержант-артиллерист Николай Владимирович Сиротинин, отдавший свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины. 1921—1941 гг.».

Случилось так, что он остался у пушки один, а по «Варшавке» двигались танки Гудериана. Сиротинин остановил их, подбив передние машины. Несколько раз был ранен Сиротинин, но не ушел от пушки, не переставал вести огонь. Лишь фашистские автоматчики, прокравшиеся сзади, по ржи, заставили его прекратить огонь. Враги были потрясены мужеством советского бойца и похоронили его с воинскими почестями.

Кричев — город интересной судьбы. И тем, что она добросовестно и ярко отражена в местном краеведческом музее, Кричев обязан во многом Михаилу Федоровичу Мельникову. Это он еще до создания музея с подвижнической самоотверженностью собирал документы, памятные вещи, книги, ездил, искал, затевал переписку. Потом удалось создать музей. Мельников все отдал туда. Когда музей вычеркнули из списка штатных учреждений Министерства культуры, Михаил Федорович два года работал безвозмездно и не утратил ни фанатической преданности делу, ни страстности искателя. Он собрал ценнейший материал о соратнике В. И. Ленина Пантелеймоне Николаевиче Лепешинском, создателе одной из первых в Белоруссии коммун; он восстановил картину боя, который вел Сиротинин, более двадцати лет остававшийся безвестным героем...

Одержимые! Мы порой подтруниваем над ними, а без них был бы беднее, скупее наш мир.

...Директор будущего предприятия, мечтающий о цветах под окнами будущих заводских корпусов; девушка, избравшая нелегкую долю мелиоратора; краевед, годами выясняющий фамилию погибшего солдата. С ними интереснее жить! Встретишь их, путешествуя по старой «Варшавке»,— и на душе светлее становится. Вот какие люди на земле Белорусской!

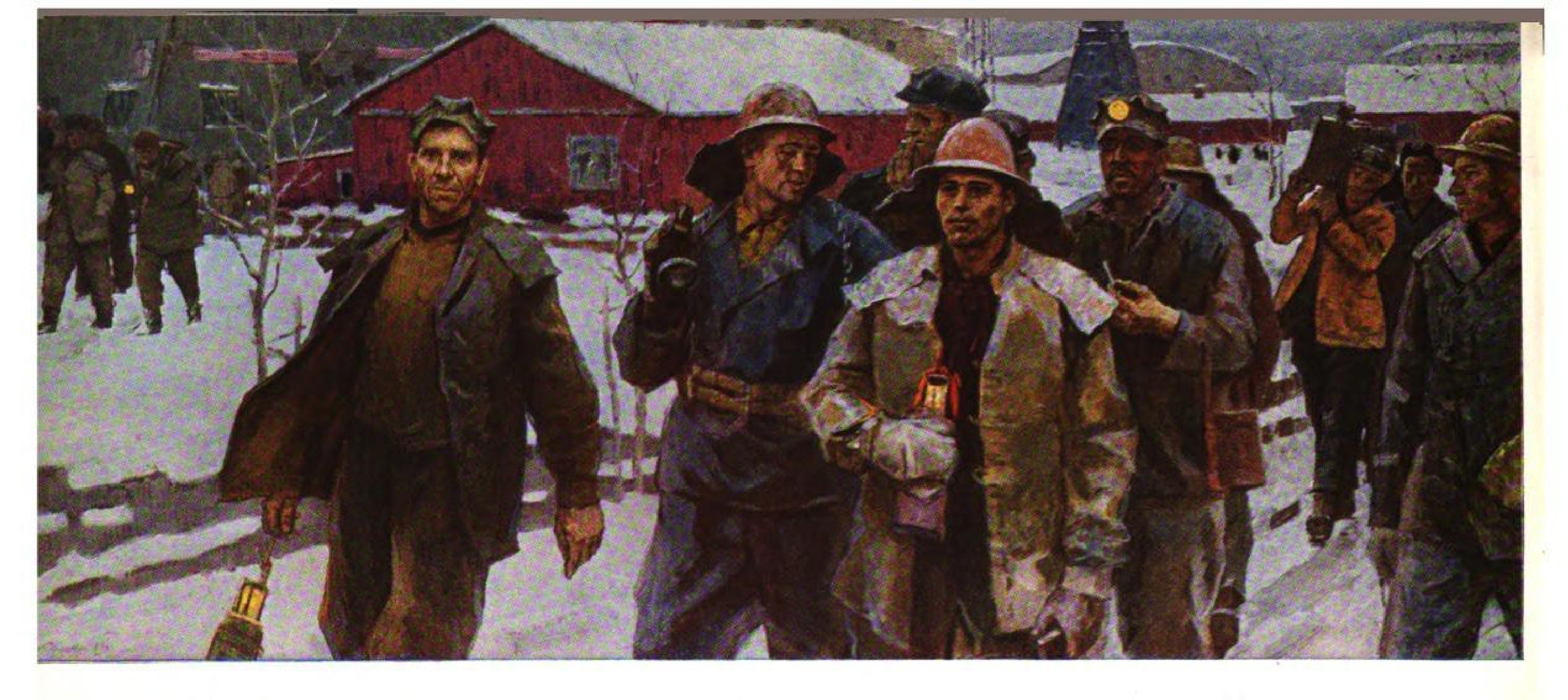
Многое перевидало на своем веку старое Варшавское шоссе.

В. Цвирко. НА ЗЕМЛЕ БЕЛОРУССКОЙ. **Центральная часть триптиха.**

В. Жолток. КОЛОКОЛЬЧИКИ ЛЕСНЫЕ.

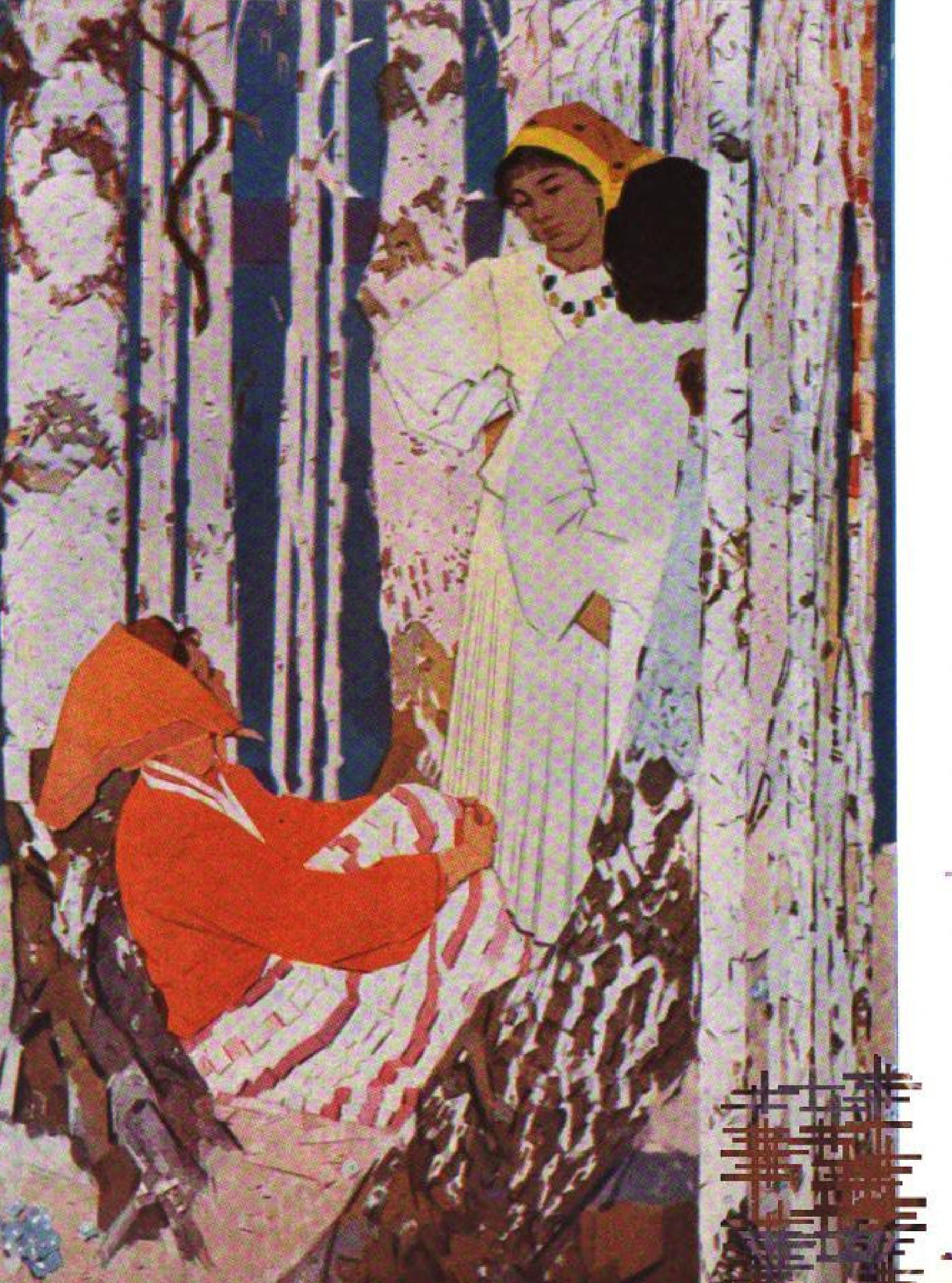
«Огонек». 1966.

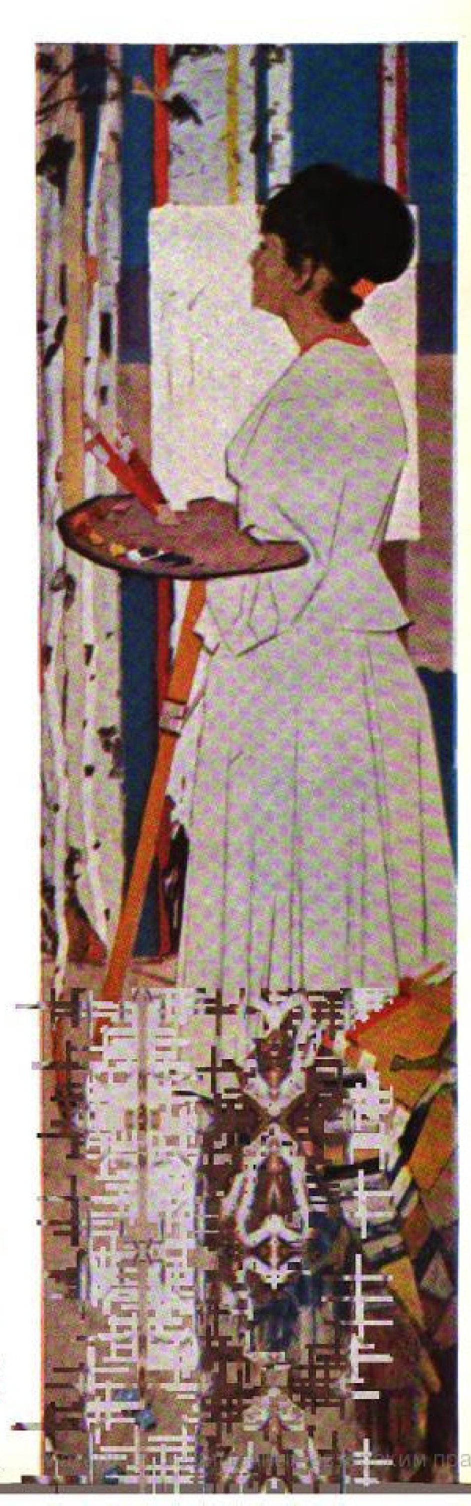

И. Стасевич. ШАХТЕРЫ СОЛИГОРСКА.

К. Космачев. РЕЧИЦКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ. Триптих.

Песни звонкие

Истинное искусство всегда национально. И потому общечеловечно и интернационально. Искусство, рожденное в отрыве от родной земли, равнодушное к ней, лишенное ее животворных соков, быстро хиреет, не успев расцвести, не успев посеять то разумное, доброе и вечное, что, собственно, и является его целью.

У Янки Купалы есть трогательное стихотворение, простое, как звуки пастушьей жалейки, и светлое, как лесная поляна, залитая солнцем:

И в глубине моей души,
Как пламя негасимое,
На всех путях, во тьме, глуши
Горит оно, родимое.

С ним думы все мои давно,
И сны, и песни звонкие...
А называется оно
Родимою сторонкою.

Нам дороги Репин, Суриков, Юон, Кустодиев, Малявин: в их живописи запечатлена Россия, ее раздолье, ее краски, ее простота и величие. В «Крестьянине с уздечкой» Крамского, в умном прищуре глаз старого человека, прожившего жизнь и немало повидавшего на своем веку, отражен русский характер с не меньшей силой, чем во многих романах. Портрет этот выразительно покажет и французу, и итальянцу, и, уж конечно, русскому, что за народ живет на тысячеверстных пространствах и в чем его душевная красота.

Я беру примеры общеизвестные, их можно продлить до бесконечности. Отнимите у Сикейроса его Мексику — и исчезнет обаяние его работ, налитых до краев пламенной кровью и яростью южного солнца. Нельзя представить Ренуара, Сезанна, Коро, Манэ вне Франции, хотя их живопись и принадлежит всему свету.

Каждое истинное произведение, рожденное своим веком, является выражением его идеалов, его социальных устремлений, надежд и ожиданий. Разумеется, во всем этом улавливается общечеловеческое, но это общечеловеческое тем ярче, чем сильнее национальная основа, на фоне которой художник разворачивает свою картину. Илья Репин говорил: «Душа живописи — идея. Форма — ее тело. Краски — кровь. Рисунок — нервы»... Мысль настолько ясна и верна, что может быть высечена на фронтонах академий. Гармоничное соединение всех этих элементов истинного искусства и создает произведение предельной выразительности. Гармония же — в самой жизни, в ее кипении, борьбе, в страстях, в большом и малом, простом и великом, что она несет с собой, и уходить от жизни нельзя, если не хочешь уйти из искусства.

Янка Купала писал:

Хозяин наш — кто сеет зерна,
Кто косит, жнет, нам хлеб дает,
Кто сталь кует у жарких горнов,
Тот, кто разбил тюремный гнет.

Всегда, прозаики, поэты,
Служить народу вы должны!
А позабудете об этом —
Кому вы будете нужны?

Неутомимый поэт-революционер, по характеристике М. Горького, Янка Купала выразил мысль, которая в такой же мере относится к мастерам кисти, как и к мастерам слова.

Знакомясь с творчеством белорусских художников, и старых и молодых, мы отчетливо видим их кровную связь со светлой Беларусью, с родимой сторонкой. Его истоки рождены той же почвой благородных реалистических традиций, как и истоки искусства русского, что и понятно, ибо мы корни одного древа, народы-братья.

Но остаются при этом **свои** белорусские краски, **своя** исконная, именно белорусская прелесть пейзажей, **своя** белорусская национальная особенность в лицах людей, в их характеристиках, в их душевном строе — и все это, вместе взятое, придает живописи братского народа особую привлекательность и неповторимость.

История Белоруссии полна трагических событий. Все грозовые тучи, шедшие с Запада, проливали свои злые дожди на ее землю. Белоруссия явила доблестный пример всенародного подвига в боях с фашистами. И трудно назвать белорусского художника, который не коснулся бы в своих работах этой волнующей, всегда трогающей за сердце темы. Такие картины, как «Пленных ведут» А. Шибнева, «За родную Белоруссию» В. Суховерхова, «Минск 3-го июля 1944 года» В. Волкова, «Партизаны» М. Савицкого, оставляют яркий след в душе зрителя.

Народный художник БССР Иван Осипович Ахремчик создал в 1958 году большое полотно «Защитники Брестской крепости», которое приковывает к себе внимание своей документальностью, правдивостью, глубиной содержания. Картина волнует, хочется часами рассматривать ее. Искусная игра света и теней сближает композицию со скульптурой — классическая монументальность проступает в ней; наши советские простые парни, стоящие насмерть в бою за Родину, приобретают черты героев, прославленных в веках. Рядом с ними как бы зришь солдат Бородина и воинов Куликова поля.

Раны, нанесенные войной, огромны, но труд человеческий побеждает все. Добро сильнее зла! Смотришь триптих Виталия Цвирко «На земле белорусской», видишь людей, идущих дружной веселой толпой на свое поле, видишь синие лесные дали и широкие просторы свободной родимой сторонки, и становится светло на душе, и понимаешь, что ушла, сгинула со света черная хмара бедствий и жизнь восторжествовала, жизнь и правда. И такое же чувство возникает, когда всматриваешься в картину молодого художника Ивана Стасевича «Шахтеры Солигорска». Люди не оставили втуне богатства белорусских недр, победители на полях войны прославляют теперь родную землю своим трудом. Здесь и молодые люди, для которых война почти легенда, и суровые солдаты, сменившие винтовки на орудия шахтерского труда.

Вот и на романтической картине Раисы Кудревич «Первая репетиция» также представлено торжество жизни: отгремела гражданская война, и вчерашние красноармейцы вместе с деревенскими мальчишками и девчонками проводят первую репетицию спектакля, который они покажут своим односельчанам, ранее, может быть, никогда и не видевшим такого чуда.

Ожил народ, набрался сил, песнями звенит Беларусь. В триптихе Константина Космачева «Речицкая лирическая» вы зримо ощущаете радость бытия, видите золото солнечных лучей, серебро березовых стволов, вдохновение на молодых и чистых лицах белорусских девушек, явственно слышите песню — то трогательную, то задорную, то грустную, то зовущую в пляс. Как и Константин Космачев, радует нас Валерия Жолток в своей картине «Колокольчики лесные».

Цвети, Беларусь! И пусть певцы твоей неброской и нежной красоты, певцы народного труда и народного мужества — белорусские художники — освещают своим творчеством жизнь республики, которая величественно показала себя в годину испытаний и продолжает прославлять себя в мирных трудах и заботах. И пусть будут споры и соревнования, творческие поиски и находки, пусть будут художники хорошие и разные — лишь бы цвело и умножало свои успехи белорусское искусство, близкое всем людям советской земли!

Ник. КРУЖКОВ

Максим ТАНК

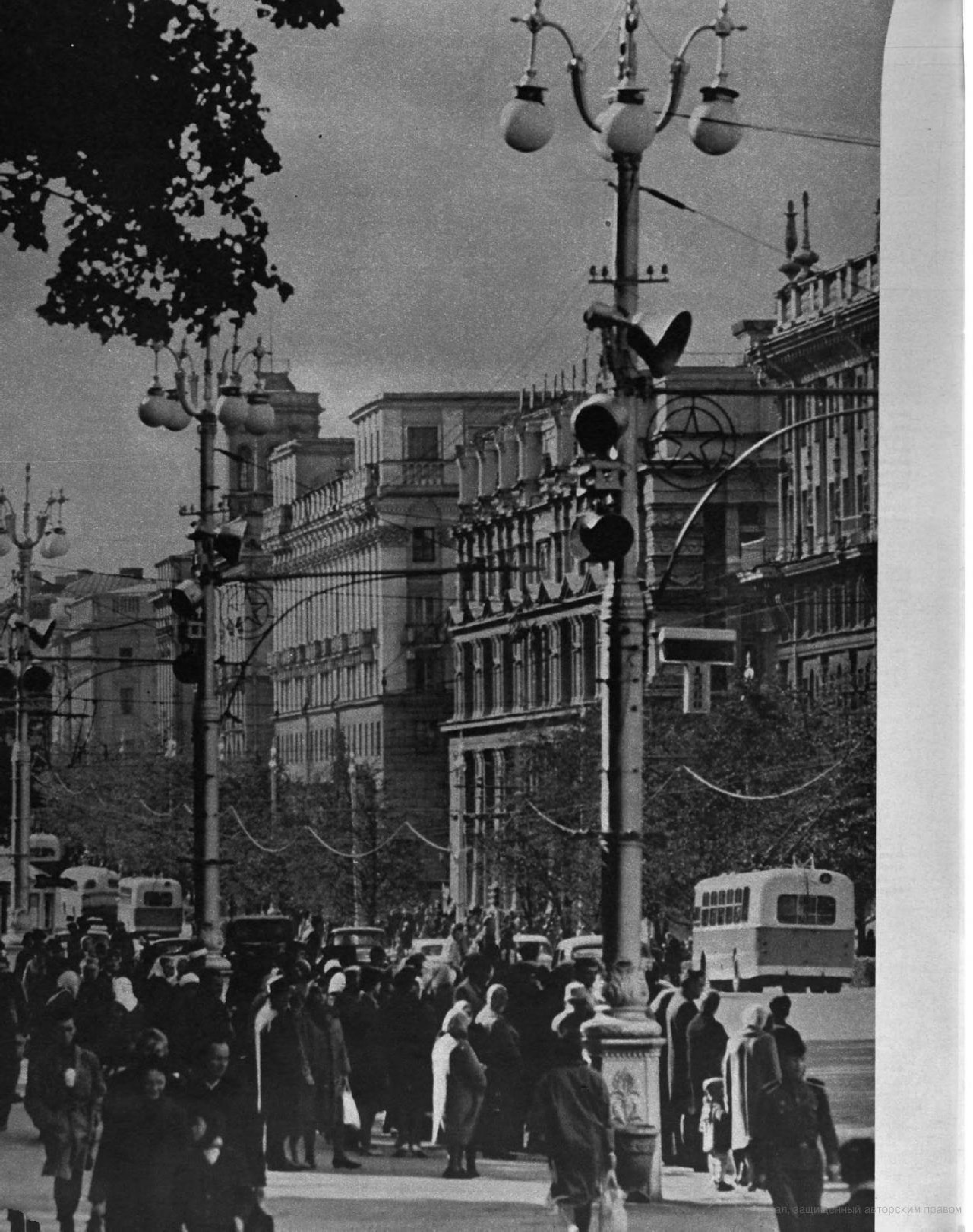
На лесной дороге

Колесный стук,
курганы
и окопы.
Пчелиный звон над вереском духмяным.

И тетерев вдруг
крыльями
захлопал.
Горит заря папахой партизана.
Дорога вьется
в зелень
боровую.
— Спи! Конь дотянет к твоему жилищу.

— Мне не до сна, товарищ, не усну я:
я окажусь вновь на пепелищах;
вновь буду, раненный, брести по глухомани;
бинты срывать,
тонуть
в годину злую.
И потому, чтоб сон не одурманил,
споем-ка песню давнюю, былую...
Вечерний мрак сгустился над дорогой.
И, перестук колесный заглушая,
над тишиною бора векового
несутся песни партизан по краю.

Перевел Александр ПРОКОФЬЕВ.

Теперь города рождаются возле заводов, подземных кладовых, электростанций. Прежде же они появлялись у дорог. И их судьба во многом зависела от того, какие это были дороги и куда они вели. Минск родился на перекрестке дорог. Видимо, поэтому, кроме обычных в старину напастей — пожаров, голода, эпидемий,— ему приходилось отбиваться еще и от чужеземцев, врагов-захватчиков. Много их было! Рати немецких рыцарей и орды татаро-монголов, польская шляхта и шведские завоеватели. В этих жестоких схватках Минск редко побеждал. Но он никогда не сдавался. Когда шведы прорвали его крепостной вал, Минск сжег себя...

Оглядываясь назад, удивляешься не только мужеству, выносливости города, но и его несокрушимой жизненной силе. Обескровленный, разрушенный дотла, он неизменно поднимался из пепла.

Он всегда был в гуще событий, и в первую очередь революционных. Только в одном 1895 году в Минске отгремело пятьдесят четыре стачки! Здесь в марте 1898 года в домике железнодорожника Петра Румянцева прошел Первый съезд РСДРП.

На Кровавое воскресенье в Петербурге рабочие-минчане ответили недельной забастовкой и демонстрацией под лозунгом «Долой самодержавие!». Октябрьскую всероссийскую политическую стачку Минск поддержал всеобщей забастовкой. Были организованы боевые дружины. Оружие добывали в казармах, на воинских складах, отнимали у полицейских. Дружинники занимали типографии, печатая там листовки. 18 октября 1905 года рабочая кровь обагрила камни Привокзальной площади. Дикий террор, измена бундовцев, эсеров и меньшевиков сорвали декабрьское вооруженное восстание.

В годы первой мировой войны Минск был прифронтовым городом. Сюда переехали штаб Западного фронта, тыловые учреждения, артиллерийские, автомобильные, железнодорожные, авиационные мастерские. ЦК РСДРП(б) направил в Минск лучших своих работников. Мужественная борьба большевиков, руководимых М. Фрунзе, А. Мясниковым, В. Кнориным, К. Ландером, деятельность отрядов народной милиции и красногвардейцев поставили Минск в ряд революционных городов того времени. На предприятиях создавались фабрично-заводские комитеты. Вышла пламенная «Звезда»— орган Минского комитета РСДРП(б), которая понесла людям ленинское слово. Солдаты Минского гарнизона и революционно настроенные рабочие заслоном стали на пути корниловских мятежников, ринувшихся к Петрограду. Осиное гнездо корниловщины в Могилеве было блокировано.

На историческом заседании ЦК РСДРП(б) 10 октября, когда было принято решение о вооруженном восстании, Владимир Ильич сказал: «Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий». А в решениях заседания было записано: «Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда Советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан)». Так к числу важнейших событий, решающих судьбу вооруженного восстания, было отнесено и выступление революционных сил Минска.

В дни подготовки и завершения Октябрьской революции Минск стал революционным сердцем Белоруссии, а потом и ее первой столицей. Советская власть в нем была провозглашена в тот же день октября, что и в Петрограде. В Минске к тому времени уже насчитывалось около тридцати тысяч членов Коммунистической партии!

...Шли годы. Минск — борец и воин уступил место Минску-труженику. Он быстро набирал силу, ему помогали Москва, Ленинград, Киев, Урал и Донбасс. И снова — в который уже раз— у стен его появились полчища чужеземцев — немецко-фашистские захватчики. Минск окутала ночь, какой он не знал за всю свою долгую жизнь.

Военная судьба Минска, как и всего Западного фронта, сложилась очень тяжело. Уже на пятый день войны наша 13-я армия вела бои под Минском, бои ожесточенные, кровопролитные и неравные: на четыре стрелковые дивизии, защищавшие Минск, обрушились пять немецких танковых.

Стойко, переходя в контратаки, держались Сотая ордена Ленина стрелковая дивизия, сводный пятитысячный отряд генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Однако после трехдневных боев немцам удалось прорваться к городу и занять его.

Гитлеровцы сразу же ввели жесточайший оккупационный режим. В урочище Дрозды и на улице Широкой оккупанты создали концентрационные лагеря. В районе Юбилейной площади — гетто. И, несмотря на все это, с первых же дней город сопротивлялся. Рискуя жизнью, минчане укрыли сотни советских бойцов и офицеров, оказывали им медицинскую помощь, спасали от плена и смерти. На «Нефтесбыте», Комаровке, в Пушкинском и Грушевском поселках, в гетто возникали подпольные группы. Собирали оружие, боеприпасы, медикаменты, записывали по радио сводки Совинформбюро и распространяли их среди населения.

Уже в начале июля на Вирской улице, 1, состоялось нелегальное собрание коммунистов-железнодорожников. Нарушая график движения поездов, стали выходить из строя паровозы, а в депо и на вагоноремонтном заводе — станки, электропроводка. Во время битвы под Москвой немцы на Минском узле сосредоточили свыше трехсот паровозов. Подпольщики вывели из строя почти половину паровозного парка. Под Новый год осталась

Я люблю тебя, Минск!

Владимир КАРПОВ

Минск — город студенческий.

Немало замечательных произведений вышло из-под резца старейшего скульптора Белоруссии Алексея Константиновича Глебова.

Выступает ансамбль танца Белорусской ССР под руководством А. Г. Апанасенко.

На ледяном поле идет хоккейная баталия. Где это! В Минске, в новом Дворце спорта.

←
Глядя на эту оживленную улицу, трудно себе представить, что еще недавно здесь лежали развалины разрушенного фашистскими бомбами города.

без воды товарная, а немного спустя — и пассажирская станция. От подложенных в уголь мин взорвалось и сгорело несколько эшелонов.

К концу года подпольные организации и группы наладили между собой контакты и на общегородском совещании выбрали горком партии. Его возглавил Исай Козинец — человек редкой воли и мужества. Горком заботился о создании партизанских отрядов из горожан и об отправке военных специалистов, политработников в уже действующие отряды. Подпольщики освобождали военнопленных из фашистских лагерей, создали свои типографии; надежных людей засылали в городской комиссариат, на биржу труда, в шутцполицию.

В марте 1942 года подпольный комитет был разгромлен. Только за один день гитлеровцы повесили двадцать восемь наиболее активных деятелей подполья и двести пятьдесят одного расстреляли.

Но наутро на месте массовых репрессий появились листовки, а через несколько дней на одной из конспиративных квартир по Торговой улице уже собрались представители уцелевших подпольных групп. Вновь сформировался городской комитет партии. Правда, пришлось перестроить всю его боевую и пропагандистскую работу. Центр борьбы переместился на предприятия. Рабочие выводили из строя оборудование, ломали инструменты, портили готовые изделия, сырье, материалы.

...Военная судьба связала меня с Минском. Я дважды переходил линию фронта пешком, перелетал ее и на самолете. Выполняя специальное задание, наведывался в оккупированный Минск и видел зарева, слышал выстрелы, взрывы. Город сражался.

Часто в развалинах находили убитых фашистов. Кто нес им возмездие? Бесстрашный Иван Кабушкин — таинственный Жан, возглавлявший оперативную группу горкома, группу, получившую задание уничтожать агентов гитлеровской разведки, провокаторов и представителей оккупационных властей? А может быть, неуловимые комсомольцы из легендарной организации «Андрюша», насчитывавшей около трехсот человек?

На радиозаводе действовала комсомольская группа «Танюша», систематически портившая рации, изготовляемые для немецких самолетов; на вагоноремонтном — группа Вилика Гудовича, которая ломала станки, взрывала паровозы. Подпольщицы К. Гурьева и Ю. Козлова, нанявшись официантками в столовую эсэсовцев, взорвали ее во время банкета. Девятнадцатилетняя Галина Сасина, работая по заданию подполья на аэродроме, распропагандировала охранников-чехов, вывела часть их к партизанам, а потом организовала диверсию: в небо взлетели обломки шести самолетов.

...С группой автоматчиков я вернулся в Минск 3 июля — в день освобождения города. Пока шли окраинами, мы еще видели домики, застекленные окна. А вот в центре... Одни руины и между ними грядки, а возле Круглой площади — рожь.

...У городов, как и у людей, бывают разные судьбы и характеры. Одни живут долго, без особых потрясений, новое здесь растет бок о бок со старым, а старое существует, пока не рассыплется прахом. У них как бы нет ни начала, ни конца. Другие, наоборот, стремительно поднявшись из неизвестности и озарив на какое-то время все вокруг себя, гаснут или вовсе исчезают. В лучшем же случае, овеянные легендой, становятся городами-музеями. Третьи сразу строятся как народные святыни. И, по праву завоевав бессмертие, любовь и уважение народа, входят в историю как вечные города. В Минске есть что-то и от первых, и от вторых, и от третьих.

Хочется подметить еще одну черту моего города. Минск всегда выглядел беднее, чем полагалось ему по его значению в судьбе Отечества. Возможно, потому многим он когда-то казался провинциальным. И, может быть, только сейчас зодчие находят гармонию между подлинной душой города и его внешним обликом, между тем, каким он должен быть по праву и каким строится.

Ныне его прелесть не только в красоте архитектурных ансамблей. Она — в приветливости улиц, в их скромной сдержанности, в том, что человек на них чувствует себя удобно, уютно, а главное — хозяином. Здесь ощущается взаимная забота: людей — о городе и города — о людях.

Города, как известно, славны не только своими площадями, проспектами, ратными и революционными свершениями. Их слава — это слава их заводов, научных институтов, конструкторских бюро, учебных заведений. Жизнь и здесь не обделила мой город. Уже в первые мирные годы рядом с восстановленными заводами-ветеранами поднялись гиганты — автомобильный, тракторный, мотовелозавод, а затем подшипниковый, тракторных запасных частей, автоматических линий, моторный... Они изменили облик Минска, сделали его крупнейшим центром машиностроения. Минские тракторы «Беларусь» трудятся на полях братских республик, в социалистических странах, а также в Индии, Афганистане... Минские грузовики знают на разных широтах. Выносливые, неприхотливые, они изведали и сибирскую стужу, и тропические ливни, и дыхание Сахары. А изготовленные в Минске станки, телевизоры, радиоприемники, часы!

Трудовая доблесть Минска ныне достойна его доблести в дни Октября и Великой Отечественной войны.

Я люблю тебя, Минск!

Петро ГЛЕБКА

Одно сердце

Над Минском моим — синеватые ночи.
Над городом Ленина — белые ночи.

О, как эти ночи прозрачны и кратки!
И снова не спится седой ленинградке.
— Что с вами?
И слышу ответ над Невою:
— Я в сорок четвертом осталась вдовою.
У вас, на окраине Минска,— могила.
Там счастье свое я навек схоронила.
С тех пор, хоть живу в Ленинграде всегда я,
Я мысленно в Минске у вас обитаю.
Хоть горько вдове, воскрешенный ваш город,
Как брат Ленинграда, мне близок и дорог.
Мой муж со своим наступающим взводом
Пробился к окраинам, к минским заводам,
К охваченным пламенем старым кварталам...
Как вы, этот город увидеть мечтал он
Отстроенным заново, мирным, счастливым.
Но пал он в атаке, сраженный разрывом,
Погиб на исходе победного боя...
Он, слившись навек с белорусской землею,
Покоится в недрах ее материнских.
С тех пор — половина души моей в Минске.

Над Минском моим — синеватые ночи.
Над городом Ленина — белые ночи.
Сливаются отблески их воедино,
Как сердца бессонного две половины.

Перевел Яков ХЕЛЕМСКИЙ.

Иван МЕЛЕЖ

С того дня овладела Ганной одна мысль: повидать Василя. Встретить где-нибудь неласкового, недоброго, любимого. Лежа около Евхима, который, наморившись, спал, она подавляла в себе глухую ненависть, сдерживалась, чтоб не встать, не пойти куда глаза глядят. Подальше от этой душной темени, от удушья этого. А надо ж было лежать спокойно, не шевелясь: ведь свекровь тоже часто не спала — Ганне было слыхать ее кряхтенье да моленье. Иногда казалось, что старуха прислушивается в тиши к Ганниным недобрым мыслям, чтоб завтра рассказать обо всем сыну, наброситься на нее.

Прислушивается. Нехай прислушивается. Она будет думать о том, о чем хочется, что любо. О Василе! Что ж, ей думать нельзя о том, что одно дает ей теперь утешение? Она ж, может, и живет теперь только тем, что он где-то есть, что, может, тоже вот так лежит и думает о ней...

Нет, не думает. Давно из головы выбросил все мысли о ней. Да удивительно ли: зачем ему думать, если у нее муж, а у него жена?

А она вот думает про Василя. Знает, что ненужное, лишнее, а думает. И думки чаще всего одни: то вспоминает былое, то гадает, любит ли он жену свою. А над всем желанное: как бы повидаться. Сказать бы несколько слов, услышать его. А можно и не говорить, только б повидаться, да чтоб не на людях, а одним, чтоб никто не мешал, чтоб не надо было скрывать душу, таиться. В такие минуты часто прикидывала в мыслях, размышляла, где бы можно встретиться, в какое время...

Часто в воображении возникали желанные встречи так явственно, что на душе становилось тепло и хорошо. Видела Василя перед собой, будто был и вправду тут, слышала его ласковые слова так, будто он и на самом деле говорил. Слова его в мечтах-яви были всегда ласковые, добрые, такие, каких хотелось, каких давно не слышала и каких, может, не услышит. И сама говорила ему о том, чтоб не сердился, чтоб простил, о том, какой он хороший и что любила и любить будет его одного-единственного...

Днем, чтоб повидаться с Василем, несколько раз ходила домой, к своим; проходя мимо Василевой хаты, невольно настораживалась, косила глазами на его двор, на окна. Однажды увидела: Василь перепрягал коня у крыльца. Заметив ее, нарочно отвернулся,— она потом целую неделю ходила расстроенная. В другой раз видела его с отцова огорода: брал сено с воза, носил в гумно. Был не один, с

Отрывок из романа.
В романе Ивана Мележа «Дыхание грозы» читатели встретятся с героями, уже знакомыми им по первой книге полесской хроники «Люди на болоте». События происходят на гомельском Полесье в конце двадцатых годов.

АНИЕ
ОЗЫ

Рисунок Ю. Черепанова.

Маней; старик Денис рядом стоял, что-то говорил ему...

Теперь, когда у Глушаков картошку покопали, пришла к своим — помочь. Втайне надеялась хоть издали, хоть с женой повидать его. Полосы отца и Василя были рядом.

Картошка на Василевой полосе была еще не докопана. Но ни Василя, ни Мани не было, копала одна его мать. Ганна сказала ей виновато «добрый день».

— Не кончили?— обратилась к матери, лишь бы не молчать.

— Не кончили... Хлопоты разные, не вовремя...

Ганна заметила, что старуха не сердится, и ей полегчало. Надеясь, что мать скажет, где Василь, спросила:

— Какие хлопоты?

— Какие ж! Гарпина, Манина сестра, что в Олешниках, захворала. Дак вот Василь поехал с Маней. Може, дохтора надо...

— И что, вельми хворая?

— Сестра? Сжелтела, что листок лозовый!

— Беда какая!— посочувствовала Ганна.

— И не говори, беда!..

— А я своим хочу помочь... Не терпится тоже...

— Аге ж, конечно!

Ганна пошла к своим. Отец блестевшей лопатой подкапывал кусты картофеля, а мачеха и Хведька выбирали. Мачеха разогнула спину, с подозрением глянула на Ганну.

— Про что это вы там?

— Так. Ни про что...

Выбирая картофель, Ганна то и дело поглядывала на дорогу, что шла из села: не едет ли? По дороге то из села, то в село ползли чьи-либо возы. Ганна с надеждой всматривалась в те, что направлялись в поле: может, Василь? Василя не было.

Он приехал после обеда. Один. Едва увидела его, почувствовала, как кровь прилила к лицу. Лица не подымала, почему-то тяжело было поднять, сердце билось часто и горячо. Но и не подымая головы, чувствовала, как он подъехал, чувствовала скрип его телеги, его голос. Что сказал он матери, не разобрала, ветер отнес слова.

Ганна невесело усмехнулась: надо ж, переживает, как какая-то девчонка! Глаза боится поднять, как воровка. Чудачка! Кажется, он посматривает на нее, следит, видит, как она растерялась. А она вот сейчас возьмет да тоже посмотрит на него, прямо в глаза. Пусть судит!..

Подняла глаза на него. С усилием, с тревогою. Он не смотрел, он помогал матери копать. Василь, казалось, весь ушел в свое дело. Это было видно по тому, как работал, по всей его ухватке. Не смотрит, даже смотреть не хочет. Что ж, пусть не глядит. Ей это и не надо!

Но Ганна не могла не смотреть на него. Ее взгляд будто притягивало к Василю. Все вокруг изменилось с той поры, как приехал Василь. Ее сердце, казалось, чувствовало приближение грозы, ждало желанных и тревожных раскатов грома, от предчувствия которых жутко и радостно захватывало дух. Все мысли, все ее внимание были теперь в той стороне, где озабоченно склонялся Василь. Он был будто рядом, будто стояли лицом к лицу. Близкие, чуткие, все на виду...

Почему он один приехал? Где Маня?

Она беспокоилась, что Василь уедет рано, что мачеха задержится допоздна. Едва скрыла радость, когда под вечер мачеха заторопилась домой: кормить скотину. Она пошла за возом с картошкой. Отец тоже пошел: правил конем. Ганна осталась, сказала: еще хочет покопать. Не разгибаясь, выбирала картошку, бросала в короб. Хоть головы не подымала, сразу увидела то, что хотела: пошла наконец в село Василева мать. Остался только Хведька.

Надвигались ранние осенние потемки. Люди, возы с картошкой один за другим направлялись с поля.

Ганнино сердце билось сильно, тревожно. Теперь самое время. Теперь или никогда! Неужели не подойдет, не захочет подойти к ней? Настороженная, прислушивалась, ждала. Нет, не идет, не хочет. И так не терпелось увидеть ближе, так боялась, что время уйдет и уже никогда им не удастся побыть так, как грезила давно: вдвоем, одним,— что не выдержала. Бросила засохший стебель картофельника, забыв обо всех опасностях, обо всем, быстро, торопясь, подалась напрямую к нему.

Он разогнулся, вытер о штанину руки. Глянул хмуро.

Ганна, остановясь перед ним, перевела дух. Родный, какой родный! Не во сне ли это? Увидела на полотняной, с черными от земли пятнами рубашке заплату, неумело пришитую. «Сам, видать, пришивал!» И горечь вины, и нежность, и жалость нахлынули на нее.

— Василь...

Только и могла произнести. Но как произнесла — так, как тогда, в бессонные многие ночи, когда о нем думала.

У Василя вдруг мелко, по-детски беспомощно задрожали губы. Не смог скрыть обиды.

Стояли молча. Ганна заговорила первая:

— Давно не виделись...

Она произнесла не так, как надо было: почему-то радостно. Он ответил холодновато:

— Давно...

— Покрепчал ты... Мужчина уже...

— Пора.

— Я тебя видела...

Он не поинтересовался, когда.

— Ты коня перепрягал... Ехать, видать, собирался куда-то...

Снова помолчали.

— Я тебя тоже видел.

— Ты отвернулся...

— Не тогда... Как шла к своим... Обрадовалась.

— Когда?

— Позавчера...

— На загуменье?

— Я в гумне был...

— Ты?.. Я Володьку видела...

— Мы вдвоем... Я в гумне, у ворот...

— А я не знала.

Слова эти вырвались сами собой, в них было откровенное, нескрываемое сожаление. Так же откровенно, но немного обиженно упрекнула:

— Не вышел... Спрятался...

— Я нарочно...

— Зачем?— Ганна с трудом произнесла: — Противна я тебе?

— Чужие... У тебя свое, у меня свое...

— Мне... хотелось повидаться!.. А где Маня?

— В Олешниках. С сестрой осталась...

— Плохо ей, сестре?

— Плохо...

Ей попалась на глаза заплата, аккуратно пришитая, наверно, женой.

— Как тебе живется?

— Так... Живется...

— Маня хорошая. Работящая... Аккуратная...

— Аккуратная...

Он не хотел говорить о жене. Опять немного помолчали. Василь пересилил себя, свою отчужденность, бросил исподлобья ревнивый взгляд:

— А ты как?

— Не спрашивай...

— Богачка!..

Губы ее насмешливо поджались.

— Богачка...

Она мгновение еще сдерживалась. Таила горечь и сожаление, как обычно. Как все месяцы, все эти годы от всех. Привыкла уже таиться. Но зачем же таиться от него? Кому ж и признаться, как не ему?

Как молнией, полоснула по Василю взглядом.

— Вася, мне это ихнее богатство... во!— Ганна порывисто провела ребром ладони по шее.— Нехай оно огнем!..

Он смутился.

— Работать много заставляют, говорят...

— Если б это одно...

— И, говорили, бьет...

— Всякое бывает...

Сдерживалась вначале, по давней, неизменной привычке не показывать другим горе. Но только мгновение. Больше, если бы и хотела, не смогла бы скрывать. Откровенно, с какой-то отчаянной решимостью выдохнула:

— Могила там моя, Вася!

— Могила?..

Неожиданно и для Василя и для себя Ганна горячо, с той же решимостью спросила:

— Вася, тебе не жаль, что у нас так... нескладно?

У него легла морщинка меж бровей. Ей ни-

чего не надо, ей только знать хочется. Только знать, не для каких-либо намерений, расчетов, а так, для души. Смотрела на него, ждала, замирая.

— Не жалко, Вася?

— Зачем говорить!

— Не жалеешь, скажи?!

— Пустое это!

Он правду говорит, не надо спрашивать. Пустое. Но ей так хочется знать!!

— Скажи, Вася! Я хочу знать!

— Что с того: жалеешь, не жалеешь?!

— Скажи! Я хочу, Вася, скажи!.. Не жалеешь?

— Ну, вот!— Он будто говорил: придет же в голову такая непотребщина.— Конечно ж, все...

— Конечно?

— Ну, ты ж знаешь! Ты ж...— Василь разозлился. Нехай злится, так легче, так лучше, чем этот недобрый холод.— Ты ж начала все...

Она согласилась будто с радостью.

— Я... Я виновата... Я...

Глаза ее быстро заволокло слезами. Ганна закрыла лицо ладонями.

— Люди увидят.

— Нехай видят. Что, мне и поплакать нельзя никогда?..

— Разговоры пойдут...

— Нехай идут! Ты боишься?

— Я? Мне что!

Ганне стало легче: о ней беспокоится! О ней думает! Значит, не совсем безразличен к ней.

Она тихо, как бы не веря себе, сказала:

— Ты... ты не забыл совсем, Вася?..

Он не ответил. Странные вопросы подчас у этих женщин бывают. Лишь бы спросить.

Она все поняла и без слов.

— Не забыл, Вася!.. Вася, мне сейчас так хорошо!.. Мне больше ничего и не надо было. Только знать это, и все!

Ганна со слезами на глазах улыбнулась.

— Есть и у меня радость!

Василь о чем-то думал.

— О чем ты, Василь?

— Да вот... Как нам теперь?..

К ним шел Хведька. Увидев его, Василь недовольно насупился. Ганна поняла: не нравится, что придется прервать разговор. Почувствовала, какое желание появилось у него, какие слова сейчас сорвутся с его неспокойных губ, сказала сама:

— Вася, давай встретимся!

— Как?

— Ну, я... приду... Куда только?

— А когда?..

— Хоть завтра. Как стемнеет...

Он посмотрел, как бы сам спрашивал:

— К гумну разве? Где яблоня?..

— Хорошо.

Когда возвращалась, не чуяла под собою земли. На своей полосе вдруг шаловливо обхватила Хведьку, сдавила. Хотелось смеяться, кричать: не забыл, не проклял, любит! Любит!

Ни в ту ночь, ни в следующий день ничего не было особенного, все было, как и прежде. Так же повторяла «А боже ж мой» за дверью свекровь, так же храпел, разлегшись на кровати, Евхим; так же рано подхватилась, доила корову, топила печь, изводилась в бесконечных хлопотах. Но лежала ли, за всю ночь не сомкнув глаз,— тихо, неудержимо улыбалась в темноту; ходила ли, работала ли днем — едва сдерживала смех, широкую радость. Ногам было легко, руки летали проворно, весело, будто и не всегдашнее, ненавистное делала. За что бы ни бралась, вспоминала Василя: каждую черточку лица, каждое проявление нежности, каждое слово затаенно откровенного и трудного, полного и большого значения разговора. Веселая надежда ни на мгновение не оставляла Ганну все время, тревожила нетерпеливым, радостным ожиданием.

«Сегодня! Сегодня вечером!..— будто что-то пело в ней.— Сегодня!.. Скорей бы тот вечер!..» Время от времени в пение это врывалось беспокойное: как бы не помешало что-либо! Но не могла сдержать радости. Жило, вихрило в мыслях, в душе одно: «Сегодня!.. Сегодня вечером!..»

Ревнивая Глушачиха скоро заметила непонятную перемену, посмотрела на нее подозрительно.

— Что ето носит тебя, как нечистая сила!..— проворчала она вслед Ганне.

«Почувствовала, старая скряга! Носит!.. Носит!.. Только не нечистая сила!— подумала Ганна злорадно, мстительно. Вошла в свою половину, увидела на лавке, на столе солнечные полосы, заулыбалась.— День какой! Как праздник!.. А разве ж не праздник? Праздник, мой праздник!»

После обеда, скрывая нетерпеливость, нарочито безразлично сказала, что пойдет к своим, помочь. Старуха, что оказалась как раз на их половине, упрекнула:

— Ето хозяйка называется! Хозяечка! Только и заботы, что о других, о чужих! Чужие ей дороже!

— Они мне не чужие!

— Как ты разговариваешь с маткой?— вмешался Евхим, снимая с крюка уздечку: решил съездить в лес.

— Как говорю? Как надо!

— Не научили тебя!

— Не научили! Тебя не спросились!..

— Евхимко, как ты терпишь, как ты переносишь ето!.. Вот до чего... доброта твоя!

Евхим сказал с угрозой:

— Не научили, дак я научу!

— Поздно меня учить! И не вам!

Евхим, удивленный, посмотрел на жену. Что-то новое, необычное было в ее голосе, во взгляде. Он привык к тупой, безрадостной покорности ее, и то, как Ганна теперь обходилась с ним и матерью — смело, независимо, даже с вызовом,— было непонятным.

— Не мне, говоришь, учить?! — Евхим густо побагровел. Руки его задрожали. Он вдруг заорал: — Не мне?!

Евхим, рассвирепев, замахнулся уздечкой. Опережая его, Ганна заслонила лицо ладонями, втянула голову в плечи.

Удар обрушился на руки, на плечо.

— Не мне?!

Евхим ударил еще раз.

Не думал, что Ганна бросится в ноги, станет просить пощады (знал уже ее), но ждал, что заплачет. Плакала ведь раньше, бывало. Теперь не заплакала. Когда отняла от лица ладони, увидел: глаза совсем сухие. Взглянула на него с такой ненавистью, что ему на мгновение стало не по себе. Евхим, однако, пригрозил:

— Я тебя научу!

— Спасибо, научил уже!..— Голос у Ганны был хриплый, жесткий.— Не забуду!..

С рассеченной удилами Ганниной руки текла кровь, каплями падала на пол.

Старуха молчала, поглядывая то на невестку, то на сына.

— Помни!— Евхим тяжело повернулся, сильно стукнул дверью, затопал в сенях, на крыльце.

После того, как он вышел, Ганна и свекровь не перемолвились ни одним словом. Вскоре он проехал под окнами, проскрипел, открывая и закрывая, воротами. Старуха стояла у окна, следила за ним, пока он не скрылся с конем на улице.

Ганна собралась идти к своим. Глушачиха проводила ее взглядом неприязненным, ненавидящим, но ничего не сказала.

День был по-прежнему ясный — редкостный, необычный в эту позднюю осеннюю пору; но Ганна не замечала уже праздничной его ясности. Попадались встречные, здоровались с нею, она отвечала сдержанно-спокойно, скрывала в себе свою печаль. Некоторые оглядывались ей вслед: чувствовали, что беду какую-то прячет, но почти не удивлялись, знали, как ей у Глушаков живется...

Улица из конца в конец блестела вязкой, как деготь, грязью, которая в эти дни не высыхала. Посредине улицы ее размесили конские копыта и ободья колес; было ее там столько, что часто доходило до ступиц; люди обычно прижимались к заборам. У заборов шла и Ганна, грязь была уже холодная, босые Ганнины ноги сильно мерзли, но она не замечала этого.

Отец и Хведька были около гумна, готовили бурт для картошки. Ганна взялась помогать перебирать картошку. Занявшись этим со своими, она успокоилась, и мысли ее стали трезвее, решительнее. «Не буду, не буду я терпеть!.. Зачем и жить, если так!.. Брошу все, брошу!..»

Между этими мыслями она вспоминала встречу с Василем, вспоминала снова и с нежностью все, что он говорил, слово за словом, думала о вечере, который приближался. Ганне было радостно и тревожно. Будет ли он, этот вечер, будет ли все так, как хочется: придет ли Василь? А что, если какая-нибудь неожиданность помешает им? А что, если он передумает?..

Это было бы такое несчастье! У нее ведь вся надежда на него. Придет, придет, успокаивала себя, старалась заглушить тревогу.

Только поужинала в потемках со своими, вышла во двор. Со двора огородом на пригуменья, на дорогу за гумнами. Еще не дойдя до Василева гумна, остановилась; надо было отдышаться: сердце сильно, непрестанно колотилось. Чего оно так колотится? Такое неспокойное, возбужденное, тревожное...

Ноги зябли, было холодно. От неласкового ветра, что налетал сильными волнами, бил в лицо, заползал за воротник, вечер казался студеным. Ганна едва сдерживала дрожь. Небо нависало очень низко, только где-то далеко за болотами тускло тлела узенькая полоска. Гумна, заборы, деревья чернила мокроватая темень. Дошла до Василева пригуменья. Вслушалась, тихо открыла ворота. Тут, за углом гумна, должно быть, яблоня. Вот она. Ганна остановилась, осмотрелась. Где Василь? Его не было. Прислонилась к яблоне, почувствовала, как сиротливо раскачиваются, шумят голые ветви...

Еще издали услышала шорох шагов. Кто-то шел к пригуменью. Он или не он? Если прой-

Петрусь БРОВКА

Строки новой книги

* * *

Не серебром горжусь,
Не златом,
Не пышным перечнем наград.
Себя я чувствую богатым:
Я доброй памятью богат.

Бойцы, горячими руками
Мне пожимавшие ладонь,
В долгу доселе
Перед вами
Я, перенявший ваш огонь.

Все было:
Горе и отвага
Далеких лет,
Нелегких дней.
Твоей слезы живая влага
Осталась на щеке моей.

Как наивысший дар храню я
Идущей старости
На страх
Те молодые поцелуи,
Что не остыли на губах.

Так — день за днем
И след за следом.
В душе — незримая печать.
Я в жизни многое изведал,
Я в силах сызнова начать.

ОДА ЗУБРУ

Зубра след в тенистой пуще...
Гостем будь, входи в мой стих,
Богатырь, давно живущий
В этих дебрях вековых.

Не измеришь путь годами.
Может, этою тропой
Ты при Еве и Адаме
Гордо шел на водопой.

Протекли столетий сотни,
Миллионы шумных гроз.
Не извел тебя охотник,
Размножался ты и рос.

Сколько пуль в тебя летело,
Сколько нанесли потерь
Король Август, князь Ягелло,
Царь Микола, Геринг-зверь.

Хищники за мясом свежим
Шли сквозь чащу напролом,
И родное Беловежье
Сберегло тебя с трудом.

Мир звенящий и поющий
Удивительно хорош
В час, когда по вольной пуще
Ты хозяином идешь.

Словно крыша в три наката,
Свод зеленый над тобой.
Добрую имеешь хату
Ты и летом и зимой.

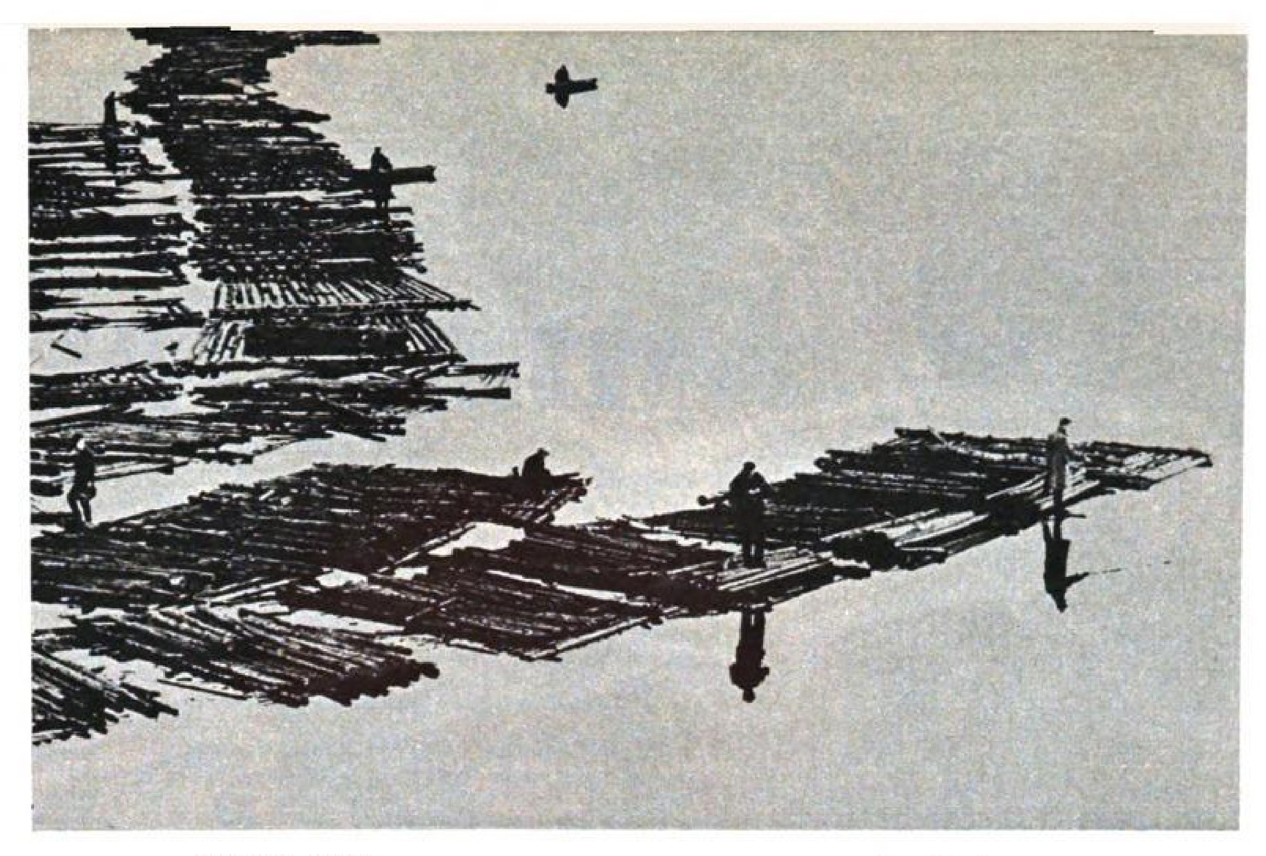
Под тобой литые корни,
Мурава и мягкий мох.
Ключ струится животворный,
Чтобы ты напиться мог.

Пляшет луч, трепещут ветки,
Безопасен старый дом.
Пулей меченные предки
Лишь мечтали о таком.

«МАЗ» идет, сигналя трубно
На другом конце земли.
Вместе с ним красавцы зубры
Всю планету обошли.

Вижу след в тенистой пуще...
Гостем будь, входи в мой стих,
Старый друг, давно живущий
В этих дебрях вековых.

Славлю собранность и ловкость,
Стать и силищу твою.
Если пью порой зубровку,
За твое здоровье пью!

На реке Друдь.

Фото М. Савина.

* * *

Все чудеса легко постичь нам,
Наш век — он тем и знаменит,
Что необычное обычным
Становится и входит в быт.

Сработав дудку из берёсты,
Я рос подпаском в давний год.
А нынче — как все это просто! —
Пастух с транзистором идет.

* * *

Трудненько жить иным людишкам,
Подай им пышный каравай.
Умом наделены не слишком,
А зависти хоть отбавляй.

Такой ворчит, не уважая
Ничьих забот, ничьих трудов.
Ему ничто река любая,
Он море переплыть готов.

Не будь он с детства тугоухим,
Себя не ввел бы он в обман.
Давно известно, что для мухи
В любом корыте — океан.

* * *

Зрелость — это не старость
И никакой не итог.
Мудрость, но не усталость.
Все при тебе осталось.
Зрелость — по жилам ток.

Зрелость — в работе умелость,
Зрения острота,
Каждого слова спелость,
Без колебаний смелость.
Совесть твоя чиста.

Это — забот бессрочность,
Преодоленье невзгод.
Так проверяют прочность.
Зрелость — прицела точность,
Новый нелегкий взлет.

* * *

Будь щедрым. Время не забудет
Хорошим словом помянуть
Того, кто сердце отдал людям.
Запомни это. Щедрым будь.

Одна из самых мудрых истин
Нас убеждает с давних дней:
Лишь тот богат, кто бескорыстен,
А скряга бедного бедней.

Всем поделись. За всех в ответе,
Сумей отдать блокадный пай.
И лишь любовь — одну на свете —
Не половинь, не уступай.

Авторизованный перевод
Якова ХЕЛЕМСКОГО.

дет по стежке, значит, не Василь; свернет сюда — он. Настороженно ждала. Человек свернул к ней, приблизился; стала видна во мраке темная фигура.

— Ты?— прошептала она.

— Я.

— Задержался...

— Приехал поздно...

Стояли, молчали, но самих полонили чувства ожидания. Не радостными, не беззаботными были эти чувства, не легким — ожидание; совсем иным было все, чем тогда, три года назад, когда он был неженатым, а она — незамужней. И не только муж ее, жена его были этому причиной. Ни он, ни она не думали о них. И Василь и Ганна жили в то мгновение только встречей, ощущением того, что, как когда-то, они снова в темноте одни. А все же радости и близости прежней не было. Что-то и роднило их, и влекло друг к другу, и сдерживало, отделяло.

Пережитые по отдельности многие дни, месяцы межою легли меж ними. И не чужие как будто были Ганна и Василь и как бы чужие...

Василь почувствовал, что Ганна дрожит.

— Холодно?

— Аг-га...

— Пошли в гумно. Затишнее.

— Не надо. Скоро д-до дому.

— Пока еще...

Все же пошла за Василем. Послушно протиснулась в приоткрытые ворота. В гумне показалось тепло: не разгуливал стылый ветер. Но ток был, как лед.

— Тут солома в засторонке,— тихо сказал Василь.

Солома податливо осела под ними, обняла с боков. Ганна зарыла в солому ноги, сразу стало уютней и теплей. Пахло прелью от стрехи, током, свежей, недавно обмолоченной ржаной соломой. Вверху, где-то под стрехой, пискнул спросонья воробей.

Василь неловко, как бы первый раз в жизни, обнял Ганнины плечи.

Начал ласкать ее, прижимать к себе. Сначала несмело, неуверенно, но чем дальше, тем смелее, горячее. Это был уже не тот стыдливый, диковатый Василь, но она не думала об этом. Не та была и она. Да что из того: им было так хорошо! Она не сопротивлялась, сама прижималась к нему. Она поцеловала его так, что он чуть не задохнулся; и все льнула, льнула, дрожа вся, как в лихорадке, от огня, что переполнял ее, от страсти, от жажды быть ближе, ближе к нему...

— Вася, милый! Родный! Вася!..

Потом лежали тихие, поспокойневшие. Долго не разговаривали. Вдруг в отчаянии Ганна призналась:

— Не выдержу я, Вася!..

Василь, почувствовав, глянул — будто не понял.

— Я, может... утоплюся...

Он насторожился.

— Ну... ты... ето!..

— Тебе одному говорю... Не спрашивай больше! Не хочу о нем!

Ганна порывисто, горячо зашептала:

— Родный ты мой!.. Был ты у меня один!.. И один остался... хоть я тебя и не вижу... Ты только один!.. И все неправда, что говорили когда-то про меня и про него. Неправда. Не было у нас до свадьбы ничего! Как перед богом говорю, как на исповеди! Нема мне чего выдумывать. Все сплетни то — неправда!.. Ты у меня был один, один и остался. Я, може, только и живу теперь, что ты есть... Ты у меня и теперь один, одна радость. Я потому и пришла. Ты не думай плохого...

— Я и не думаю...

— Може, не надо было напрашиваться на встречу, но мне так хотелось хоть немного побыть вдвоем! Хоть слово сказать, хоть услышать слово!..

Она вдруг призналась с сожалением:

— Злая была тогда на тебя. Не поверил! Другим поверил, а мне — дак не!..

— Говорили ж люди...

— Говорили!.. И все-таки мы помирились бы, може, если б не мачеха. Вельми ж ей добра захотелось! Роднёй Корчевой захотелось стать!..

— Я дак сразу как-то привыкнуть не мог, что ты пошла...

— Я и сама думала потом: как я согласилась! Как могла так сделать! Как могла!

— Не своя воля...

— А виновата, выходит, сама.— Она сказала твердо: — Сама виновата! Самой и бедовать век!

Авторизованный перевод с белорусского Дм. Ковалева.

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

КРЫЛАТЫЕ СУДА ИЗ ГОМЕЛЯ

Комфортабельные шестиместные такси «Волга» на подводных крыльях можно встретить почти во всех водных бассейнах Советского Союза, но родина их — Гомель. Это продукция местного судоремонтно-судостроительного завода. В его цехах строятся также и сороместные теплоходы «Беларусь», предназначенные для скоростных пассажирских перевозок на небольшие расстояния.

Фото М. Минковича (ТАСС).

ЗАВОД РОЖДАЕТСЯ НА ЗАВОДЕ

Могилевский завод «Строммашина» начал изготовлять машину-завод «АТМ-6». Это первый отечественный автоматический агрегат, которому поручают делать асбоцементные трубы. О нем можно судить хотя бы по таким цифрам: длина — 24 метра, ширина — 22 метра, а высота — двухэтажный дом. За минуту агрегат дает шестиметровую трубу.

Первая такая машина будет подарком республики к 50-летию Советской власти.

В. КРИЧЕВ

ВСЕМ КОВРАМ КОВЕР

Если сложить сверхплановую продукцию, которую выпустил за 10 месяцев этого года Витебский ковровый комбинат, получится гигантский ковер размером в 50 тысяч квадратных метров. Витебские рабочие, вступив в соревнование в честь 50-летия Октября, продолжают набирать темпы юбилейного года. Они сейчас осваивают производство новых ковров.

Д. АЛЕКСАНДРОВ

МЫ — ЗЕМЛЯНЕ

Валентин ЛУКША

Продолжение двинской легенды

По утрам городок будили петухи и экскаваторы. Где-то там, за рекой, в Охотнице, в настылом воздухе, еще медленно затухал хрипловатый голос трубачей солнца, а в городке, за зубчатым сосняком, начинали перекличку машины.

Когда я показал поэту Михаилу Светлову свой юный город, Михаил Аркадьевич улыбнулся:

— Будто из легенды вырос.

А ведь легенда-то была.

...Мы сидели у выгоревшей парусиновой палатки и слушали властелина лесов — местного лесника Ивана Леонтьевича Иванько.

— Давным-давно это было. Очень-очень давно. Я услышал эту легенду от своего деда, а тот от своего, а тот... Давно, значит... Так вот, сказывалось в легенде, будто под нашей Западной Двиной некогда был ход подземный. Кто пройдет подземельем на противоположный берег, тот увидит белокаменный город сказочной красоты. Да вот беда: ключи-то от города так никто и не может до сих пор отыскать. А должны они, по преданию, попасть в руки самых сильных и самых стойких...

...Свинцово-серое небо обрушилось на землю дождем. Мы так и не дослушали рассказ.

И вот снова осень. Снова в сто глоток воет ветер. Я иду по улице Нефтяников, главной улице Новополоцка — города химиков. Иду там, где восемь лет назад дотошные незнакомцы, словно эскулапы, прощупывали мускулатуру необжитого берега. И вдруг: «Здравствуйте!»

Это он, властелин придвинских боров, Иванько.

— Иван Леонтьевич! А продолжение легенды?

Он нарочито-беспомощно развел руками:

— Так ведь люди... Вы же и дописали легенду...

Неоновые лампы красили асфальт. Мы идем дальше вместе. Идем в город из легенды.

Три строительных материала

Я никогда не был на космодроме. Но если мне выпадет там побывать, я знаю, мне тут же вспомнится заводская площадка нашего нефтеперерабатывающего. Словно направленные в небо ракеты, стоят огромные, высотой в пятнадцатиэтажный дом, колонны. И когда над Двиной загораются звезды, загораются звезды на аппаратах-громадинах.

В тот день, как мне казалось, их было больше. Желтых, белых, синих звезд. Больше на небе и на земле. Ведь день-то был необычный, праздничный. Только что главный инженер завода Евгений Иванович Евсюков показал нам:

— Вот он, первый белорусский бензин!

Будто окрыленный, я шел по поселку. Впрочем, нет, это уже был не поселок. Его официально произвели в ранг города. Шутка ли, за такой малый срок вырос завод-богатырь, продукция которого идет в 500 адресов, не только в нашей республике, но и в Российской Федерации, на Украине, в Прибалтике. Шутка ли, за такой малый срок поднялся город, с тридцатитысячным населением, с жилой площадью около ста пятидесяти тысяч квадратных метров, со своими техникумами, училищами, клубами, школами, медицинскими, детскими, торговыми учреждениями.

И это — только начало. К концу пятилетки, когда нефтезавод начнет действовать на полную мощность, когда химический комбинат войдет в строй, Новополоцк вырастет втрое...

Я задумался: какая же сила смогла свершить это поистине чудо из чудес? И невольно пришли на память слова моего хорошего приятеля, инженера, дагестанца Романа Ягутиловича Осипова:

— Я знаю три строительных материала, из которых такими сказочными темпами возведен нефтегигант: металл, бетон и дружба. Последний — самый крепкий!

Действительно, дружба! Дружба — сила. Дружбе все по плечу. Тем более в молодом городе.

Вот стоит Дом дружбы. Дом как дом. Таких в Нефтеграде десятки. Но прислушайтесь, когда открыты окна, к его говору. Из квартиры Матевичюса слышна литовская речь, из комнат Воловича — белорусская, Крюнера — эстонская, а Шахибитдинова — татарская. Словом, хозяева дома, что высится на углу улиц Молодежной и Нефтяников,— это представители десяти национальностей. А вообще-то их тут, в городе, более двадцати.

Мой город интернациональный. А средний возраст рабочих — двадцать пять лет. В самый раз для настоящей дружбы!

Улица имени Петра Блохина

Комсомольский секретарь ударной химической новостройки Петр Блохин сказал как-то:

— Знаешь, видно, нужно сделать что-то очень и очень большое. Ну, скажем, заставить замолчать дот, пойти на таран, в космос слетать. А мы земляне... Ну, строим... Ну, выполняем планы... Рядовые в общем-то земляне...

Потом мы ходили на танцплощадку. В Новополоцк приехала друг и жена Николая Островского Раиса Порфирьевна. Клуба настоящего еще не было, и встреча проходила на площадке. Гостью слушали очень внимательно. Ведь она рассказывала о любимом писателе. Бригадир маляров Маша Бриковская преподнесла Раисе Порфирьевне букет алых цветов. Петр взял меня за рукав:

— Знаешь, возможно, я тогда ошибся... Наверное, можно стать героем... Если так, как Павка Корчагин,— всего себя отдать людям.

О себе он никогда не говорил. Приезжим корреспондентам о Петре по секрету рассказывал я. Парень он был обыкновенный. Пионер стройки. Руководил первой бригадой коммунистического труда. Пригласил как-то Блохина парторг треста «Нефтестрой» Николай Михайлович Чечет.

— Нужен хороший комсорг. Рабочий человек и чтобы горел, как факел. Думаем тебя рекомендовать.

И он стал комсоргом. И горел, как факел.

...Вечером Петру нездоровилось, знобило. А на рассвете его уже не стало: токсический грипп.

Нет, он не ушел из Новополоцка. Он стал именем молодой улицы. По этой улице идут продолжать его дело ребята, ровесники Петра. Он живет среди них, и они абсолютно точно знают, что будни тоже рождают героев.

Новополоцк,
Витебская область, БССР.

Минские студентки Татьяна Сонич, Алла Полухина, Ирина Кузьмина.

Фото М. САВИНА.

Огни Полоцкого нефтеперерабатывающего завода.

Новый Дворец спорта в Минске.

Тракторы Минского завода готовы к отправке.

Людмила Хомич — одна из лучших ткачих Барановичского хлопчатобумажного комбината.

Брестская крепость, год 1966-й. У легендарных орудий.

Н. ПОПОВА,
Герой Советского Союза,
заместитель председателя
правления Белорусского совета
ветеранов войны

ТЕБЕ ЗАВЕЩАНО

Почти у самой границы, у въезда в Беловежскую пущу,— могила. На ней разбитый пулемет и строчки на небольшом надгробии: «Обнажите головы! Здесь покоятся вечным сном Герои Великой Отечественной войны, пулеметный расчет советских воинов, геройски сражавшийся против роты немецко-фашистских захватчиков 23 июня 1941 года.

Вечная слава Героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!»

...Так начиналась война: на самой границе смертельный бой, и при любом превосходстве врага ни шагу назад. До сих пор неизвестны имена этих героев. Но их помнят те, кому завещана эта живущая подвигами земля. Красные пионерские галстуки, повязанные на стволе «максима», как клятва: «Мы принесли эти галстуки, чтоб ваш пулемет всегда оставался горячим, принесли, чтоб подтвердить свою готовность скрепить алой кровью союз поколений на верность Родине!..»

Осенью этого года на другой границе Белоруссии, на пороге России, белорусы встречали двигавшийся со Смоленщины необычный кортеж. Группа воинов батареи капитана Флерова, а с ней представители воинских частей, пионеры из дружины имени Флерова держали путь к месту, где 14 июля 1941 года «катюши» дали первый залп по врагу. Батарейцы выстроились на исторической поляне неподалеку от Орши, и бывший командир 2-го огневого взвода Костюков доложил бывшему командующему Западным фронтом Маршалу Советского Союза А. И. Еременко: «...воины первой в мире ракетной батареи капитана Флерова готовы произвести первый залп по врагу...» Залпа, разумеется, не последовало. Сельские школьники преподнесли старым солдатам цветы. А на следующий день артиллеристы снова стояли в привычном для них строю, теперь уже в Орше, у моста через Днепр, где открывали монумент в честь первого залпа.

За несколько дней до открытия монумента в Орше мы заложили курган Бессмертия под Минском. Это в ознаменование успешного завершения Белорусской операции 1944 года. Тут тоже был свой ритуал, своя встреча с Историей: бронетранспортер вместо трибуны, минута молчания, знамена партизанских частей и воинских соединений, земля из городов-героев и здешняя земля, согретая в ладонях людей, бережно несших ее — частицу спасенной нами от фашизма планеты...

...Пулемет в Беловежской пуще, монумент в честь первого залпа «катюш», курганы Бессмертия, восстановленная партизанская землянка, документ, найденный школьниками и дополняющий историю минского или могилевского подполья,— все это очень нужно нам сегодня. Все это завещано революцией, Октябрем и вместе с городами и песнями, с молодыми лесами, с мыслью конструктора, вместе с солдатскими могилами и радостью материнства зовется трепетно и просто — Родина. Это надо любить и беречь. И мне радостно сказать, Белоруссия, что все героическое из твоей нелегкой судьбы сыновья твои и дочери хранят искренне, ревниво и мудро.

Сотни тысяч молодых граждан республики каждый год идут в походы по местам боевой славы отцов, а ведут их ветераны гражданской и Отечественной войн. Беседы у костров возле старых землянок — это блестящие уроки коммунистического воспитания по самой требовательной и самой ценной для нас программе Октября!

Поезжайте под Борисов, в Иканскую среднюю школу, и убедитесь, с какой трогательной заботой собирали тут мальчишки и девчонки экспонаты для своего музея: станок, на котором в лесной мастерской делали грозное партизанское оружие, газеты, выходившие в партизанских типографиях, фотографии, ратные медали...

Комсомольцы Витебщины заняты сейчас сбором материалов о прокшиковском подполье времен Отечественной войны. Пока о нем ничего не написано, но пыл юных следопытов порукой тому, что дела подпольщиков — белорусов, русских, литовцев — непременно оживут и впишутся яркой страницей в Книгу революции.

А разве не заслуживает доброго слова творческий порыв молодых скульпторов и архитекторов Анатолия Аникейчика, Леонида Левина, Валентина Занковича, Геннадия Муромцева, Владимира Ананько, Николая Рыженкова, которые на общественных началах создали целую серию великолепных проектов монументов, увековечивающих геронку пламенных лет! Эти монументы стоят теперь на месте гибели капитана Николая Гастелло; у лесов, где водил свою бригаду Константин Заслонов; на родине генерала Льва Доватора; в Оболе, где действовала одна из самых боевых и бесстрашных подпольных комсомольских организаций...

Но хочется сказать и о том, что арсенал наших возможностей на этом благородном поприще далеко не исчерпан. Почему мы так скромны, когда даем имена героев новым улицам в том же Минске? Почему надо сохранять для потомков такие названия, как Извозная, Слесарная или Шестая линия? Может, стоит дать им фамилии солдат, которые в жестоком бою отдали жизнь за этот город? К сожалению, мы вспоминаем героев минувшей войны главным образом по случаю каких-то памятных дат. Это хорошо, что мы вспомнили о батарейцах Флерова к двадцатипятилетию первого залпа «катюш», но, право же, о них можно было вспомнить и не дожидаясь юбилейной даты. Мы не очень-то усердно ищем тех, кто освобождал наши родные города, села, чтоб позвать их почетными гостями в свой круг. Чего греха таить, иной раз наши школьники даже не знают, что их очкастая математичка была связной партизанской бригады, а чудак географ десятки раз ходил в разведку в тыл врага.

...Идет пятидесятый год Советской власти. Будет в наших городах и селах много радостных празднеств. Но и в час ликования не забудем о тех, кто жизнь свою отдал, отстаивая завоевания Октября.

Алексей ЗАРИЦКИЙ

Человек будущего

Еще досель стоит над Волгой дом,
где он впервые белый свет увидел.
Но далеко-далёко нынче дни,
когда он юношей
смотрел в просторы
с высоких этих волжских берегов.

Вперед, в Грядущее, плывем, плывем
на гребнях наших лет неугомонных,
и тот бессмертный миг,
когда простер
с броневика он руку над Россией,
упрямо удаляется от нас.

Все меньше остается тех бойцов,
что становились в строй при Ильиче,
а Ленина черты ясней и ярче
в сиянье нашей вечной правоты
с годами выступают,
с каждым днем!
Как будто не из прошлого пришел он,
а из Грядущего
на нас глядит.

Перевел с белорусского
Александр НАУМОВ.

Поименно...

В. А. Пятков, участник обороны Могилева:
— Вот здесь, ребята, был наш окоп...

Георгий ФРОЛОВ

В этом старинном белорусском городе, что раскинулся на берегах Днепра, прошло мое детство, отсюда подростком в конце сорок четвертого года я уходил в армию. И вот теперь, спустя много лет, снова вернулся в Могилев и который день брожу по его улицам, площадям, с волнением вглядываясь в знакомые и уже незнакомые черты родного города. Почему-то подумалось, что так, очевидно, встретился бы я теперь с моим отцом, если бы ему суждено было вернуться с войны: где-то под Воронежем, ведя батальон в атаку, он вдруг споткнулся, упал лицом вперед, на запад. И больше не поднялся...

У меня никогда не будет встречи с отцом. Пусть же будет другая встреча — с моим родным городом, где еще и поныне сохранились приметы давних боев.

Наверно, никто из горожан, идущих мне навстречу, и не догадывается, что у нас с городом идет разговор, тихий, совсем неслышный, что он рассказывает мне о прошлом и настоящем, о мужестве и героизме моих земляков.

«Это были очень трудные дни,— словно говорят мне исцарапанные пулями и осколками фасады домов.— Мы не сдаемся, помните о нас!» — звучат в моих ушах надписи на стене бывшей гестаповской тюрьмы.

«Так как же все это было, тогда, в 1941-м?» — спрашиваю я.

«Сначала были танки,— отвечает мой город.— Много танков. И такие полчища врагов, какие не шли на меня никогда, за всю мою долгую жизнь».

Казалось, ничто не могло остановить танковые колонны Гудериана, рвавшиеся на восток. На их пути под Могилевом встали воины 61-го стрелкового корпуса. С одним из них — В. А. Пятковым, командиром пулеметного расчета,— я встретился на квартире Л. К. Черниченко, бывшего комиссара дивизии. К слову сказать, и сейчас ветераны дивизии считают Леонтия Константиновича своим комиссаром. И это право он заслужил своей огромной работой по розыску и установлению связей с оставшимися в живых защитниками Могилева. В его небольшой квартире почти каждый день бывают гости. Большинство из них—бывшие воины дивизии.

Мы говорили о памятном бое с танками в районе Буйнич — 39 подбитых фашистских машин за два дня боев, вспоминали старшего лейтенанта Терехина, который за один вылет сбил три самолета,— в областном музее хранятся кадры хроники, кто-то из фронтовых операторов (кто?) снял этот удивительный бой над городом.

Кольцо вокруг Могилева сжималось все крепче. Но борьба продолжалась, и самыми ожесточенными были последние дни обороны, когда защитники города сражались на баррикадах, отстаивая каждую улицу, каждый дом. В один из таких дней из-за Днепра, где были немцы, заговорили радиорепродукторы, фашисты предлагали сложить оружие. В ответ на это советские воины и народные ополченцы открыли по врагу ураганный огонь и подняли на самых высоких домах площади Свободы пять красных полотнищ.

Но с каждым днем становилось все труднее сдерживать натиск врага. Чувствовался острый недостаток боеприпасов. В таких условиях по приказу главного командования остатки наших войск и народных ополченцев пошли на прорыв. Первая группа вырвалась из осажденного Могилева в ночь с 26 на 27 июля, а вторая — в ночь с 27 на 28 июля. В боях под Могилевом гитлеровские войска понесли большие потери. Были подорваны и сожжены сотни танков, сбиты десятки самолетов, уничтожено около 30 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

Этими цифрами, конечно, далеко не исчерпывается значение обороны Могилева в июле 1941 года. Ведь в то время, когда гитлеровцы уже ворвались в Смоленск (16 июля) и устремились дальше, к Москве, в их глубоком тылу мужественно сражался Могилев, заставив немецкое командование держать у своих стен несколько отборных дивизий.

«Что было потом?» — спрашиваю я у города.

«Потом пришли фашисты. Они шатались по моим улицам и жили в моих домах почти три года. Я не хочу вспоминать ни фашистов, ни предателей, которые забыли свою Родину. Но я бережно храню память о героях подполья. Ты тоже должен о них знать».

Раньше других начала действовать в Могилеве подпольная организация врачей военного госпиталя — его не удалось вывезти из осажденного города. В госпитале находилось около четырех тысяч раненых воинов, с которыми остался весь медицинский персонал во главе с начальником госпиталя Владимиром Петровичем Кузнецовым. Чтобы спасти раненых коммунистов, комсомольцев, политработников и командиров от зверской расправы, советские врачи — Кузнецов, Паршин, Пашанин — за ночь, которая оставалась до прихода гитлеровцев, уничтожили старые документы и на всех раненых завели новые истории болезни. К рассвету все коммунисты и комсомольцы числились беспартийными, а политруки и командиры — рядовыми или сержантами.

Утром гитлеровцы прибыли в госпиталь. В канцелярии они стали просматривать все документы. Их удивление все возрастало по мере того, как на столе росли груды просмотренных историй болезни. «А где же командиры, политработники, коммунисты?» — обратился один из гитлеровцев к Кузнецову. Тот спокойно ответил: «В нашем штабе я слышал, что имеется приказ германского верховного командования о репрессировании всех коммунистов, политработников и командиров, а также военнослужащих еврейской национальности. Поэтому, видимо, все раненые этой категории заранее были эвакуированы в глубь страны».

Такое объяснение, очевидно, удовлетворило гитлеровцев, и они уехали из госпиталя. Группа советских врачей осталась на своих прежних должностях, только к ним немцы поставили своих комиссаров и охрану.

Госпиталь продолжал работу. Но, кроме своих прямых обязанностей — лечить раненых,— Кузнецов и его помощники делали все для того, чтобы воины после излечения попадали не в лагери военнопленных, а к партизанам. И врачам это почти всегда удавалось. Обычно выздоравливающего выносили в морг, а оттуда устраивали ему побег: документы на него оформляли как на умершего.

Врачей-патриотов предал Степанов, работавший при немцах начальником отдела здравоохранения. Кузнецов, Паршин и Пашанин были арестованы и после жестоких пыток повешены на центральной площади города.

«Как же трудно тебе было, мой город, когда хозяйничали фашисты!»

«Да, но они никогда не чувствовали себя здесь полными хозяевами».

В оккупированном Могилеве действовал Комитет содействия Красной Армии, в который входило около 40 подпольных групп.

Листовки комсомольца Лени Лорченко появлялись всюду: на улицах города, перед зданием гестапо, в карманах прохожих и даже полицейских. Листовки он переписывал на тонкой папиросной бумаге, вкладывал их в коробки со спичками и продавал свою продукцию на Быховском базаре. Однажды, заметив, что полицейские ищут продавца спичек с листовками, Лорченко продал оптом все свои запасы спекулянту по кличке Жбан, связанному с гестапо. На следующий день ни Жбана, ни его киоска на базаре уже не было. Леня Лорченко ушел затем в партизаны и геройски погиб в бою с карателями. Ему посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Подпольщики ни днем, ни ночью не давали покоя фашистам. Смельчаки из группы И. Лысиковича и Г. Родионова заложили мину в склад горючего на Первомайской улице и сожгли его. Подпольщик Григорий Бойко прикрепил мину к платформе с танками — на 18-м километре вагоны с техникой врага полетели под откос.

Вот что сами немцы писали в Берлин об одной операции, подготовленной подпольной группой «Непокоренные»: «В городе Могилеве, в госпитале для военнопленных, вспыхнуло восстание, в результате которого четвертая часть немецкой охраны была убита. 41 человек из числа русского обслуживающего персонала госпиталя (врачи, фельдшеры, сестры, рабочие, сторожа и т. д.) бежали к партизанам».

Настоящий переполох среди оккупантов вызвала смелая операция подпольщиков по освобождению из фашистской тюрьмы советских людей в декабре 1942 года. Осуществил ее Иван Верчук, работавший в тюрьме слесарем-водопроводчиком. В ночь на 25 декабря, пользуясь своим служебным положением, Верчук вошел в здание тюрьмы для проверки отопительной системы. Уничтожив внутреннюю охрану, которая пьянствовала по случаю рождественских праздников, он открыл камеры, освободил заключенных, среди которых была группа подпольщиков. Многие из них ушли к партизанам.

И все же мы еще мало знаем о героических защитниках Могилева в июле сорок первого. Не так давно при раскопке обвалившегося блиндажа была найдена сплюснутая гильза снаряда, а в ней полуистлевшая книга Николая Островского «Как закалялась сталь». На обложке неровными буквами было написано: «Нас четыре пехотинца — русский Федор Незванов, украинец Никита Пилипенко, мордвин Василий Еремкин, казах Юсупов. Умрем, не отступим. Родина нас не забудет!» Кто они, эти герои? Может быть, кто-либо из них остался жив?

...Мост через Днепр был заминирован нашими войсками. К подрывным зарядам были подведены электрические провода. В ходе боев их перебило осколками снарядов. Все попытки устранить повреждения оказались безуспешными: никто из саперов, уходивших на линию, назад не возвращался. В это время к подрывникам пробрался мальчик лет десяти и попросил командира разрешить ему исправить повреждение. Мальчик выполнил задание, пролез там, где взрослый не мог, и вернулся невредимым. Мост был взорван. К сожалению, в горячке боя никто не спросил имени юного героя. Кто он, где он?

Мало кто знает о работе в Могилеве и его окрестностях разведывательных групп майора Наумовича, капитана Сороки, майоров Одинцова, Гниденко и других. А ведь каждая из них имела в городе своих связных, которые собирали и передавали советскому командованию важные сведения о противнике.

Давайте же вместе по крупицам собирать материалы о героическом Могилеве. «Вспомним всех поименно, горем вспомним своим... Это нужно не мертвым! Это надо живым».

РЕСПУБЛИКА В ЭТИ ДНИ

Письмо земляку

Журналистские пути-дороги не так давно привели меня в Лесковичи. Некогда, до воссоединения белорусского народа в едином Советском социалистическом государстве, это был медвежий уголок, где жизнь замирала с последним лучом солнца. Народ здесь бедствовал. по селам рыскали заокеанские маклеры и рисовали голодающим крестьянам картинки «райской» жизни на американском континенте. На их побасенки клюнули сотни неискушенных. Покинул родимые края и житель Лесковичей Иван Яковлевич Юркевич. Уехал в Канаду, надеясь скопить деньги, вернуться и купить у местной помещицы Улинской клочок земли.

Мечты эти рухнули в первые же годы жизни за океаном. «Постарели мы здесь и ожидаем только смерти. Жизнь прошла и унесла с собой нашу молодость, надежду на будущее. Даже солнце, кажется, не так греет, как оно грело»,— пишет землякам И. Я. Юркевич из канадского города Виннипег.

Читали лесковичане эту исповедь. И ответ писали коллективно. Писали, что в 1939 году они стали полноправными хозяевами своей земли, своей судьбы. Рассказали о своем колхозе «Борки», о том, как хозяйствуют на пяти тысячах гектаров. «Ты, может быть, удивляешься, откуда, мол, в моих Лесковичах столько земли? Там же, куда ни ступишь, были всюду непроходимые болота. Да, были. Нет их уже. Осушили. Помнишь гиблые места — урочища Погоня и Квачиха? Там жил на хуторе твой батька. Не узнал бы теперь тех мест. Где стояло багно, колосятся рожь и пшеница, зреют богатые урожаи свеклы и картофеля. За три года мелиораторы осушили у нас около 700 гектаров. Торфяники стали золотым дном».

Длинное письмо ушло из Лесковичей в канадский город Виннипег. Да только всего не расскажешь за один раз!

Ведь сегодня белорусское Прибужье дает стране газовые плиты и ковры, сукно и искусственную кожу, электролампочки и автоагрегаты.

В. ФРЕЙДИН,
заведующий отделом информации брестской газеты «Заря»

●

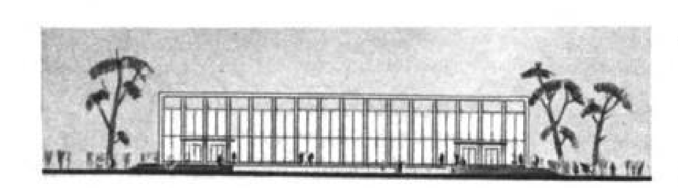
ДЛЯ БУДУЩИХ УРОЖАЕВ

Доломитовая мука — одно из ценнейших минеральных удобрений. В Белоруссии доломитовый известняк добывается неподалеку от Витебска. На заводе «Руба» из него приготовляют удобрения для сельского хозяйства. Сейчас здесь строится еще один завод. С вводом его в эксплуатацию совхозы и колхозы страны получат для своих полей дополнительно полмиллиона тонн доломитовой муки в год.

На снимке: монтажники треста «Химмонтаж» А. Лопата, Л. Бойков и В. Павлов на сборке сушильного барабана.

Фото Г. Усламова (ТАСС).

ВСТРЕЧАЙ, ДЕРЕВНЯ, АРХИТЕКТОРА

Главный инженер «Белгипросельстроя» В. П. СИЛЬНОВ

Этот институт живет в Минске с сельской пропиской. Со второго этажа отсюда отлично видны контуры будущих деревень. Впрочем, будущих — не совсем точно. Немало из того, что задумано и предложено институтом, уже осуществляется в белорусских селах. Вот что рассказал нашему корреспонденту главный инженер института «Белгипросельстрой» Виктор Павлович Сильнов:

— В нашем творчестве два направления: проектирование комплексной застройки деревень и проектов отдельных жилых домов. В последние годы индивидуальное строительство шло хаотически. Задумал Петр построить дом, посмотрел, как у соседа, и себе такой же срубил. Так и шло. Теперь институт предлагает несколько вариантов жилых домов. Учитывая своеобразие сельского быта, мы отвергли принцип механического копирования городских построек. Самыми приемлемыми, например, считаем двух- и одноэтажные здания.

Комплексное проектирование включает в себя типовые проекты жилых домов на одну, две, четыре и до 16 семей. Дома эти — с водопроводом, газом, канализацией. Предусматриваются и культурно-бытовые центры и производственные сооружения. В колхозе имени Калинина, Несвижского района, например, по такому проекту создан целый поселок. Реконструируются поселки колхозов имени Дзержинского, Слуцкого района, имени Кирова, Витебского района. Любопытен, на наш взгляд, генеральный план застройки центральной усадьбы совхоза «Ленино» на Могилевщине. Большой Дворец культуры построят колхозники сельхозартели «Рассвет»; первых гостей он примет в дни празднования 50-летия Советской власти.

Вводится должность районного архитектора, который будет следить за осуществлением планов застройки. Так что нынче мы можем смело сказать: встречай, деревня, архитектора!

На снимке: проект здания Дома культуры на 400 мест. В этом же доме разместятся контора совхоза, сельсовет и почта.

Кондуктор обнимает пассажира

Не часто приходится наблюдать такие картины: забыв на миг о служебных обязанностях, кондуктор троллейбуса заключает в объятия пассажира. Старые друзья иной раз встречаются нежданно-негаданно. Так было в Минске, в троллейбусе № 124.

...Трудовой стаж у Юлии Ивановны Куриловой — более тридцати лет. Прерывала его только война. Юлия Курилова ушла добровольно на фронт. Военная дорога привела старшину медицинской службы в Болгарию. С тех пор минуло более двадцати лет. И вот...

Троллейбус № 124 шел по обычному маршруту. Взгляд кондуктора задержался на лице девушки: «Где-то я видела ее?» Но где? Девушка тоже пристально посмотрела на Юлию Ивановну. «Стой, стой! Конечно, это она, Антонина Джубрилова из Софии»... Все сразу пришло на память. В том доме, где жила семья Антонины, лежали наши раненые. Болгарские женщины помогали ухаживать за ними. Там Юлия и познакомилась с Антониной — та была еще девочкой. И теперь новая встреча, уже в белорусской столице, куда Антонина приехала на спортивные соревнования.

Е. САДОВСКИЙ,
сотрудник газеты «Советская Белоруссия»

Мастер на все руки

Когда Петя Яновский поступил в Бобруйское профессиональное училище металлистов, никто из тренеров даже не обратил на него внимания: сложения не атлетического, на городской спортивной арене никогда не появлялся, рекордами не козырял. Первым к нему начал присматриваться Григорий Григорьевич Михлин. Убедившись в способностях мальчика, Григорий Григорьевич посоветовал: «Займись спортом всерьез, только не разбрасывайся, иначе ничего не добьешься, выбери что-то одно...» Петр выбрал лыжи и греблю.

...Лыжи и лодка. Позже пришло увлечение биатлоном. И снова, на удивление всем, первые же пробы сил выдвинули Петра Яновского в число сильнейших в Белоруссии. Он попал в сборную республики. Не однажды Петр побеждал на больших состязаниях именитых лыжников-биатлонистов; только недавно Яновский вернулся с золотой медалью с первенства Центрального совета «Спартака».

Лыжная гонка да еще со стрельбой (вот что такое биатлон) — дело сложное. А сколько сил понадобилось Петру Яновскому, чтобы окончить вечернюю школу, подойти к финишу только для того, чтобы взять снова старт на заочном отделении Минского института физкультуры!

Яновский — слесарь пятого разряда, и он очень дорожит репутацией «золотые руки». И больше, чем тремя спортивными званиями, он гордится четвертым — ударник коммунистического труда.

К. КОНСТАНТИНОВ

Фото Д. Терехова

ПЯТЬ ФАКТОВ, ГОВОРЯЩИХ О МНОГОМ

●

Тракторы... Пахари и грузчики, сеятели, косцы, помощники строителей. Их с каждым днем все больше и больше в нашей стране. И каждый пятый носит эмблему Минского тракторного завода. По производству тракторов на тысячу человек населения Белорусская ССР опередила США, Англию, Францию, ФРГ.

●

Когда-то Белоруссия была известна только тем, что пилила лес, делала деготь и готовила пеньку. Теперь республика занимает второе место в стране по выпуску грузовых автомобилей, калийных удобрений, льняных тканей, мотоциклов, наручных часов, третье — по производству химических волокон, металлорежущих станков, телевизоров...

●

В 1965 году только один турбоагрегат Березовской ГРЭС выработал электроэнергии больше, чем все электростанции Белоруссии в 1940 году.

●

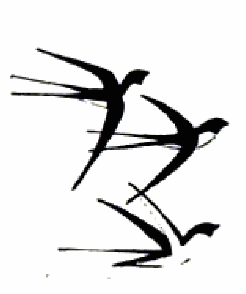
Один только прирост металлорежущих станков за семилетку столь велик в республике, что этого количества вполне хватит для оснащения 4—5 крупных заводов.

●

В конце прошлого года в народном хозяйстве Белорусской ССР работало 396,6 тысячи специалистов с высшим и средним специальным образованием. Это в два с лишним раза больше, чем их было во всей царской России.

ГОРСТЬ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ

Янка БРЫЛЬ

Лирические записи

Рисунки П. Караченцова.

Ему как бы даже неудобно. Или просто обычно. Это ж не первая школа, которую он здесь строит, в наших родных местах. Если бы не выходной день, когда здесь пусто, так, может, и не повез бы меня сюда — сентиментальничать, умиляться. Давай-давай, прикидывайся, только еще более удачно!..

Белый силикатный кирпич. На фронтоне — орнамент из кирпича красного. Это уже сверх проекта: самодеятельность.

Ходим по будущим классам, поднимаемся на другой этаж, потом на будущий чердак, еще без крыши, открытый во все небо.

Оттуда — впервые в жизни с птичьего полета — смотрю на майскую зелень и молодую, еще не прикрытую серость полей, на луг, на не скрытое за берегом поблескивание реки, на лес и хаты солнечного Надneманья...

Ты молчи себе. Я тоже молчу. Хоть и отсюда глазами памяти еще раз вижу орнамент на гордом фронтоне. Хоть и еще раз, по-новому — с охватом всей жизни, от нашего звонкого детства и до уставшей зрелости,— у меня хорошо на душе, мне весело оттого, что эту светлую школу строишь ты, мой брат.

Семейственность...

Остановилось уличное движение, и старшина милиции, который остановил его — молодой, румяный, ладный парнище,—«под ручку» повел через улицу старенькую бабку с костылем.

Малость неловко ему. И хорошо и торжественно. Не он ее под руку взял, а она его.

Рука старшины, согнутая в локте, прижатая ладонью к животу, напоминала мне что-то бальное, генеральское...

Обычно это? Даже очень.

А красиво.

В тихом озере, в правом заливе, что поближе к солнцу, которое восходит, отражается гребень леса и поэтически загадочное небо, размалеванное тучками. Ближе к берегу, но не на самом берегу застыл грядою тростник. По всему этому ползет, клубится, стоит, снова ползет туманец. Будто не зная, что и он — красота, что-то заключительное, необходимое в этой красе.

На болотистом берегу, с водою в следах, прыгают, подскакивают, покачиваются трясогузки.

Главное в утренней музыке — петухи двух хуторов, где живут лесники. Нехотя пересвистываются сытые скворцы. Тинькает какая-то мелочь.

Лес, что обнимает озеро кольцом, отражается в стеклянной поверхности воды не сразу у берега — сначала идут узкие и пошире полосы темного и посветлее серебра, а потом уже, почти на самой середине, куда более узким кругом отражаются сосны, ели, березы.

Снова о музыке. Петухов на двух хуторах хотят переборить деловитым лаем собаки, тоже соседи.

Остановился и пишу на опушке лесной глухомани, где, как свидетельство некоторой обжитости, стоят уже обглаженные июльскими дождями стога.

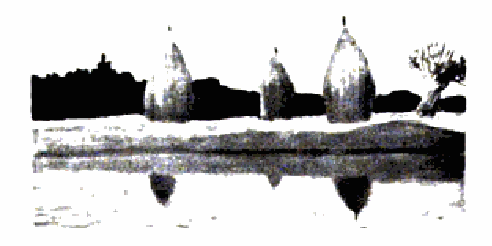
Солнце впуталось в поволоку, что затянула небо. Можно только сказать, что оно есть, живет само.

На росной траве рядом с моей непротоптанной стежкой лежит большое перо. Орлиное. Пестрое той серой пестротой, что дивно, радостно волнует меня с детства,— из жизни и из книг о красотах природы.

Буйная, росная, злая крапива охраняет малину, как свекровь сладеньких невесток. Из малинника, услышав меня, залопотал, взлетел тетерев. Подумалось: как здесь лакомится медведь, как он морду не обожжет?..

Это не озеро такое малое, это вечер был вчера такой тихий, когда я из лодки слышал, как на той стороне стукала желна.

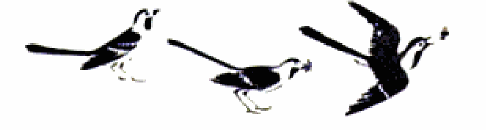
Все вокруг и теперь молчит: березы, елочки, олешник. Потому что молчит хозяин — мо-

гучий, стройный дуб, богатырь в самом расцвете.

Думал когда-то, и не раз, что я никогда не смогу нарисовать по памяти размещение сучков, сплетение ветвей на дереве: не хватит настолько фантазии, все будет беспомощно повторяться. Вспомнил об этом, заглядевшись в чудесный хаос тростника, за которым — кстати или некстати — стоит склоненная, нерослая сосна, под которой «живое серебро» воды — темное и посветлее поблескивание. Сосна кстати тут. Потому что красиво.

Припомнилось со вчерашнего полудня: сизоватая зелень тростника над старым, запущенным лесным каналом. Там она, в заводи, излучала легкую голубизну.

В озеро впадает речка. Кислый дух мокрых, привядших покосов. На плесе — две рыбачьи рогатки. Песчаная отмель заметно обрывается темной глубиной.

Но и в этом месте рыба не берет. Тишину, по-рыбачьи терпеливую, приятную от созерцания если не дикой, нетронутой, так одинокой, пустынной красы, нарушает только частое да богатое бульканье газов со дна, где мельче,— новое в незвучном, ненадоедливом многоголосье зеленого окружения.

Так я за утро обошел налибоцкое диво — Кромань.

Старая еврейка, мать большой, многоступенчатой семьи, сидит в только что полученной квартире своей старшей дочки, вдовы, которая хорошо-таки намучилась и в войну, в партизанском лагере с малыми детьми, и после войны, в каком-то подвале. Сидит старуха, и слезы сами катятся.

— Неужели это, чтоб войти к моей Гиточке, надо сначала позвонить?..

Нарочанский болотистый берег. Прорвало гать. Много воды.

— Дочка моя перевезет вас,— сказала разговорчивая, приветливая женщина, у которой мы спросили совета.— Вон, видите, в камыше видать ее красную косынку! Гэлечка! Гони лодку сюда!

Гэля — мы быстро убедились — гнала лодку не хуже мужчины. В восьмом классе, а уже как взрослая девушка. В футболке и шароварах, поверх которых юбочка. Косынка все съезжала на шею. Стеснялась перевозчица, обо всем надо было выспрашивать. А потом, когда мы с суши помахали ей шапками, с милой улыбкой помахала нам сильной рукой, перебирая еще детскими пальцами, и хорошо, на долгую память, улыбнулась.

Одна в лодке — она почувствовала себя свободнее?..

— Скажи ты, браток, что это делается? И семя дали сортовое и химпрополка у нас, а осота — сплошь полно. Так и прет, так и прет!..

— А что ты хочешь? Тогда, при единоличестве, как ты на посев выезжал? Баба тебе и фартук помоет беленько, и перекрестишься ты, и, став на колени на пашне, наберешь того жита... Ну, просто праздник у тебя! А теперь! Только что мать да перемать один перед одним... Вот сорняк и лезет!..

В недосказанном — народный толк: мало любви к земле.

Пятилетний внучок отгулял свое лето в деревне, у бабушки с дедушкой, и послезавтра, как только мама приедет и денек побудет, поедет с нею снова в город.

Бабушка — лучшая. Она хоть и покричит иногда, что он ничего делать не дает, но и жалеет Геника, и парного молока ему, и конфеточку, и спят они вместе, почти каждый вечер засыпая после сказки.

А деду все времени нет, дед все на работе. И колючий он и пестовать не любит, раза два даже припугнул баловника ремнем.

Да вот приехал дед из местечка и привез внуку подарок. А какой!..

Геник взял в обе руки ботиночки — блескучие, черные,— ткнулся своим потешным курносием в один, в другой.

— Бабка,— сказал,— они мне пахнут лучше, чем все твои цветы!

Рот от радости — до ушей.

А цветов у бабушки — полный палисадник.

Сидит себе в любой компании тихонький, малозаметный товарищ и хитренько усмехается...

Ты красноречивый, умный, веселый — что ж, смейся, шути, разворачивай, как павлин, свой хвост общительности, блеска. Но смотри — споткнешься, скажешь или сделаешь какую глупость,— малозаметный товарищ обязательно заметит. И ты тогда совсем иначе поймешь его усмешку — усмешку в надежде на эту глупость.

Страшный ты человек, хитроватый товарищ!

Бабы с первыми грибами, лисичками, подошли от леса к реке. Кричат старику, что сидит с удочкой на той стороне:

— Дядька Стяпан, тикай — вброд переходить будем!

Старик рукой махнул.

— Переходите, чего там! Я уже лисички ел — и вареные и пареные — не стыдись!..

В районном ресторане — во всю стену стандартный гастрономический натюрморт. Навалом дыни, кавуны, яблоки и другие габаритные доказательства экономического расцвета.

Если не совсем это матейковский «Грюнвальд», так много чего из добра посечено мечами и потоптано конями.

Выходим из райисполкома — заведующий отделом колхозного строительства, секретарь сельсовета и я. На крыльце нас встречает бабуся. Шифера просит. Даже и не дослушав бабьего причитания — он уже говорил о ней с председателем сельсовета,— заведующий, умный и энергичный мужчина, говорит: «Хорошо, тетка, дадим, как только он поступит»,— и сходит с крыльца. Я за ним. Председатель сельсовета — бывшая партизанка, тихая, толковая вдова. Бабуся из одной с нею деревни, видать, вместе сюда и пришли. Остановив начальницу, она говорит:

— Этот добрый человечек ушел, а тебе, моя милая, я хоть в титечку поцелую.

И успела сделать, пока та опомнилась, чтобы не даться.

Бояться за других — не боязливость. Это называется немножко иначе.

«Блаженны кроткие...» Их очень удобно обижать.

Для самоуверенности человеку много не надо — хватит ее одной.

Худой и веселый собачий подросток, спущенный с цепи, лаем да тормошением поднимает корову, что отдыхала себе на дворе, вернувшись с пастбища, беспокоит свинью, что возмущенно хрюкает на него, молокососа,— скачет цуцик, не может натешиться.

Гости из города, мальчик и отец, смотрят на собаку, стоя у плетня. Мальчик любуется, звонко смеется. Отец понуро молчит: натура ли такая, забота ли какая у человека.

Вот по двору пошла кошка. Чинно и тихо, задумавшись о своих котятах, что спят на чердаке.

Щенок подскочил к ней, чтобы рвануть. Видать, незлобиво, не по извечной традиции, опять же от радости.

Но кошка возмущенно фыркнула, сиганула на плетень, там выгнула хребет, начала хулигана отчитывать — сипением да фырканьем.

Понурый мальчиков отец тут-то захохотал. Вместе с сыном. И в нем проснулось детство.

Два мальчика катались в пыли деревенской улицы, весело, от всей души хохоча.

Было воскресенье. По деревне ходила молодежь — парами, толпами, с песнями, просто так.

Два пожилых кавалера, которые кое-где побывали и многовато думали о себе, шли отдельно, о чем-то важно рассуждая. В сапогах-дудках, по моде, в мягких шляпах колоколом. У одного за ленту шляпы была заткнута хвостиком большая темно-красная георгина.

Они перешагнули через веселых мальчиков, как перешагивают через лужу, через бревно или еще что похуже. Хоть и могли обойти их или по крайней мере заметить под сапогами.

Больше сорока лет прошло с того летнего предвечерья. Я забыл, с кем тогда радостно хохотал в пыли родной улицы. А нашу обиду вот помню. Она уже не однажды всплывает в моей памяти живо и ярко, как та большая, налитая густой кровавой багровостью георгина. Я уже давно могу с уверенностью судить, что не было в рассуждениях тех двух надутых задавак такой глубины, которая давала бы им право на пренебрежение к нам, детям, под ногами. Да где они, такие мысли, что могут иметь такое право? И я не просто помню этот факт, я не свою личную обидочку вспоминаю, мне хочется сказать:

— Не наступайте на детский смех! Эта обида ими не забывается.

Слон был бедный и грустный.

Про волю да про жаркие джунгли лучше и не говорить: он и вспоминать их не может, потому что родился в зверином концлагере.

Хватит и того, что вот он стоит меж облезлых фанерных будок, тесных вонючих клеток, перед толпой людей, торчит над их праздничной сумятицей острым, сгорбленным хребтом и едва ли не дрожит весь от холода. Шкура его серая, как деревенская, порядком-таки затасканная сермяга, кое-где даже протерлась, а в двух местах разодрана, закорела голыми струпьями. Уши свисают, а маленькие глазки смотрят на все печально — до безнадежности...

Человек был счастливый и немного сентиментальный.

По-своему, по-человечески здоровенный, он возвышался над толпой больше чем на голову. Серой солдатской ушанкой, молодым румянцем щек, широкими плечами долгополого, недавно и наконец-то приобретенного пальто. В большущих руках человека было по теплой детской руке. Потешные, как ежата, две маленькие женщины в серых шубках топали рядом с высоченным отцом по мокрому, расползающемуся снегу, а время от времени то попеременно, то вместе просились на руки.

Беда, да и только! И нести малышек и подымать их было неудобно. Мешал кулек...

Зоопарк приехал в город на гастроли больше недели тому назад. Все это время отец девочек собирался сюда, перед сном рассказывал им всякие чудеса о том, что здесь будет. И только тут, когда подошли к билетной кассе, он вспомнил, что ничего не взял — ни для мишки, который задаром, само собой понятно, не потанцует, ни для мартышек, которые тоже приучены к лакомствам.

Как же тут быть?

Зоопарк разместился на пустыре, этой осенью расчищенном от военных развалин. Поблизости был только один ларек. А в ларьке не было теперь даже каких-нибудь никудышных, слипшихся подушечек. Толстенная от семидесяти одежек продавщица посоветовала смешному папе купить у нее сухофруктов. Нашлась газета: кулек был сделан из целого номера и весь до отказа наполнен засушенными, даже, кажется, пыльными грушами и ломтиками яблок.

Но это еще полбеды. Мало того, что с кульком и детьми ходить неудобно, так еще и угощаться из него никто не желает.

Самый веселый мишка, что даже морду ущемляет между железными прутьями решетки, прося сахару, что топает-пляшет за него, и до, и после, груши те и яблоки только понюхал.

Не захотели их есть и обезьяны. И маленькие, что стрекочут да носятся, бесстыдно поблескивая круглыми радугами будто ошпаренных ягодиц. И та самая большая, страшная, совсем похожая на черного волосатого мужика, который вот держится никогда не мытой рукой за прут решетки и что-то все злобно жует да сплевывает, а потом отодвигается в угол и, отвернувшись, шепотом ругается...

Так и дошли они, папа с девочками, до слона.

Счастливый отец почувствовал себя еще более счастливым. Сейчас он начнет кормить этого здоровилу, своим на радость «вкусненьким»... Будто огромного коня из маленького ведерочка.

— Папа, а где его ротик?

Отец смеется. И правда, рот у слона такой, что ни сверху, ни снизу не увидишь.

— Зато, дочка, нос какой!..

— Это не нос, это хобот,— поправила, опять же на радость отцу, его другая, старшая, умница.

Веселый человек подставил кулек слону.

Отец знал, чего не знали дочки, что слоновий нос не только называется хоботом. На конце его есть очень хитрый и ловкий отросток-палец. Один — если слон индийский, а два — если африканский. У этого, африканского,— два. Этими пальцами он может, говорят, поковыряться меж плитами тротуара, как ломиком. А что касается ловкости пальцев, так, должно быть, и нитку в иголку проденет.

Ну, а сейчас он начнет, на потеху девчуркам, брать из газеты по грушке, по ломтику. Пусть берет как можно дольше, чтоб радость продлить.

Маленькие слоновьи глазки смотрели на человека не то чтобы только с пренебрежением — в них была и снисходительность и немного издевки серьезного над сентиментальным, а больше, пожалуй, бездонной и неизбывной тоски и муки, рожденных беспросветной неволей...

Слон протянул хобот, цапнул пальцами за край газетного кулька и механически, ловким движением кинул его себе под нос туда, где был его малый, будто запухший рот. Даже и челюсти, кажется, не шевельнулись, просто поехал кулек как по конвейеру в бездонный резервуар невеселого живота.

Слон не моргнул, не забормотал. Как будто он тебе услугу оказал, помог избавиться от лишней вещи, от неудобного положения. Стоит, молчит. Будто не над ним это смеется вся толпа.

...Те девочки в шубках стали тем временем взрослыми. Того и гляди, самим вот-вот надо будет вести своих «вкусненьких» к запертым в клетках зверям. Тогда, конечно, они снова вспомнят о том далеком послевоенном мешочке с никчемными сухофруктами. Вспомнят немного по-иному, чем до сих пор.

Они выросли, а отец, соответственно постарел и стал, кажется, менее сентиментальным. Может, пока, до внуков.

Человеку иногда вспоминаются маленькие слоновьи глаза...

**Перевел с белорусского
Дм. Ковалев.**

ИЗ ПОЧТЫ „ОГОНЬКА"

Досуг китобоя

Владимир Павлович Юшко служит электромехаником на китобойной флотилии «Советская Украина». А в часы отдыха Владимир Павлович с увлечением занимается резьбой и выжиганием на кости кашалота. В его коллекции резная шхуна «Восток», походный строй флотилии, пингвины, модель гарпуна.

Г. ОВЧАРЕНКО

Фото автора.

Одесса.

ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ

Эту интересную встречу помог организовать «Огонек». В восемнадцатом номере журнала за 1966 год был опубликован очерк Н. Быкова «Завязь». В нем рассказывалось о колхозе «Россия», Тимашевского района, Краснодарского края, о его председателе Герое Социалистического Труда Назаре Константиновиче Еременко, делегате XXIII съезда КПСС.

Житель Донецка Евгений Терентьевич Проявкин узнал в герое очерка своего фронтового друга, бывшего командира батальона капитана Еременко. В том же батальоне старший лейтенант Проявкин был начальником штаба. И вот теперь фронтовые друзья, которые не виделись ровно двадцать лет, снова отыскали друг друга. Вслед за первыми телеграммами пошли письма, состоялись телефонные разговоры. А недавно они встретились. Е. Т. Проявкин приехал на Кубань. Назар Константинович, гостеприимный и добрый хозяин, показал другу поля, фермы. Горожанина интересовали и оснащенность колхоза техникой, и жизнь колхозников, и выполнение обязательств, и многое другое. А в «России» что ни цифра — то образец, что ни факт — то захватывающий! Короче говоря, гость убедился, что бывший гвардии капитан Еременко высоко несет гвардейскую честь и на трудовом фронте.

Не отстал от друга и Евгений Терентьевич. Война когда-то прервала учение в институте. Но после демобилизации он окончил горный институт в Москве, работал на строительстве шахт в Подмосковье, затем окончил аспирантуру. Сейчас — кандидат технических наук, заместитель директора Донецкого научно-исследовательского угольного института.

Н. МОРОГОВ

Фото М. Безродного.

Краснодарский край.

Ожившие мелодии

Среди ценнейших собраний живописи, скульптуры, мебели, цветного камня, тканей Павловского дворца-музея внимание каждого посетителя привлекают и удивительные часы.

Они бесконечно разнообразны по форме: вы видите то часы-лиру, то античный храм, то колесницу, то классических форм вазу из фарфора, в которую вмонтирован механизм и циферблат часов.

12 часов. Вы, осматривая залы дворца, оказались в оркестровой. Прислушайтесь! Звучит мелодия старинного менуэта. А во фрейлинской в это же время слышится перезвон колокольчиков — исполняется увертюра из популярной оперы XVIII века «Дезертир».

Эти мелодии вносят особый колорит в каждый зал, в ансамбль всего дворца.

Старинные сложные часовые механизмы Павловского дворца-музея при последних владельцах и до войны не ходили: были сломаны. В настоящее время их вернул к жизни Сергей Иванович Костин.

Часы не только пошли, но и зазвучала их музыка, а некоторые указывают дни недели и фазы Луны.

С. И. Костина знают не только в Павловске. В 1959 году ему впервые было поручено вернуть пульс уникальным часам из коллекции Екатерининского дворца в Пушкине. Предстоит оживить часы Рентгена с флейтой и клавесином, часы-пушку, которые в любой час суток будут стрелять.

Экскурсовод **Л. МЕНЧИКОВА**

Ленинград.

СЛОВО БОЕВОЕ, ПРИЗЫВНОЕ

Маршал Советского Союза **Ф. ГОЛИКОВ**

Среди многих воспоминаний боевых лет память хранит и то, что связано с фронтовым плакатом, армейской газетой.

Животворное, призывное слово в первые же месяцы гражданской войны доносила до нас газета 3-й армии «Красный набат». Да, она действительно, как набат, била тревогу и звала всех красноармейцев на борьбу с белогвардейщиной!

А призывы и плакаты тех лет! Какие святые мысли и чувства они будили, на какие героические подвиги вели!

Пришла Великая Отечественная война. В битве под Москвой в конце 1941 года я командовал 10-й армией. Каким замечательным спутником наших бойцов была армейская газета «Бей врага!»! В самом ее названии — и призыв и приказ уничтожать беспощадно врагов. И армия с честью выполнила свой долг.

В ходе боев к нам поступали плакаты. Разве можно их забыть? «Родина-мать зовет!», «Дойдем до Берлина!». А потом — «Дошли!». Это слово прогремело на весь мир.

А как много сказано о героическом прошлом нашей Отчизны в немногих словах вот этого плаката: «Бьемся мы здорово, колем отчаянно — внуки Суворова, дети Чапаева!»!

О силе песенного слова хочется сказать особо. Народ любит песню, потому что в ней выражены его чаяния, настроения, думы. Он поет разные песни: и революционные, и военные, и национальные, и интернациональные, и песни о любви и дружбе.

ГДЕ ВЫ, ДЕВУШКИ?

В дни, когда враг подходил к Москве, к нам, зенитчикам 52-й зенитно-артиллерийской дивизии Московской Особой армии ПВО, пришло пополнение. В холодный, морозный вечер будущие солдаты заняли одно из помещений в казарме. Они были в пальто, фуфайках, в легких платьишках, в туфельках. А наутро старшины батарей учили их, как обертывать портянки, натягивать кирзовые сапоги, заправлять под ремень ватные брюки. Патриотки были из разных городов и сел. Нина Девяткина, Зина Алексеенко, Мишина из Москвы, Нина Кондратьева и Чайковская из Подмосковья, из Кинешмы — Лиля Цветкова и Чекина, Васильева из Мордовии, Тося Бунькова с Урала. К сожалению, двадцать послевоенных лет успели стереть из памяти имена и фамилии многих друзей.

Нелегкой была солдатская доля для девушек. Иногда в ночи воздушных тревог, после бесчисленных залпов даже у солдат-заряжающих немели руки. А девушки продолжали свой нелегкий труд наравне с нами. Они несли караульную службу, зорко следили за небом, под разрывами бомб, под пулеметными очередями налаживали то и дело выходившую из строя связь, обеспечивая четкое управление огнем.

А когда утих огонь войны и праздник Победы пришел на нашу землю, девушки-солдаты пригласили командование дивизии и на прощание сели перед фотообъективом.

А. ВАРАВА

Змиев,
Харьковская область.

Это было на невском «пятачке»

Дубровка — памятное место для воинов, сражавшихся под Ленинградом в грозную годину Великой Отечественной войны. Был среди защитников города-героя и Врам Манукович Гарибов. Он в числе первых высадился на занятый врагом левый берег Невы. Шли напряженные и кровопролитные бои. Ведь отсюда, с невского берега, фашисты задумали осуществить коварный план — полностью блокировать город Ленина. Десант, в составе которого был Гарибов, должен был сорвать замысел гитлеровцев.

В разгар боя, когда враг бросился в атаку, выбыл из строя командир батальона Миньков. Тогда командование принял коммунист, воентехник Гарибов.

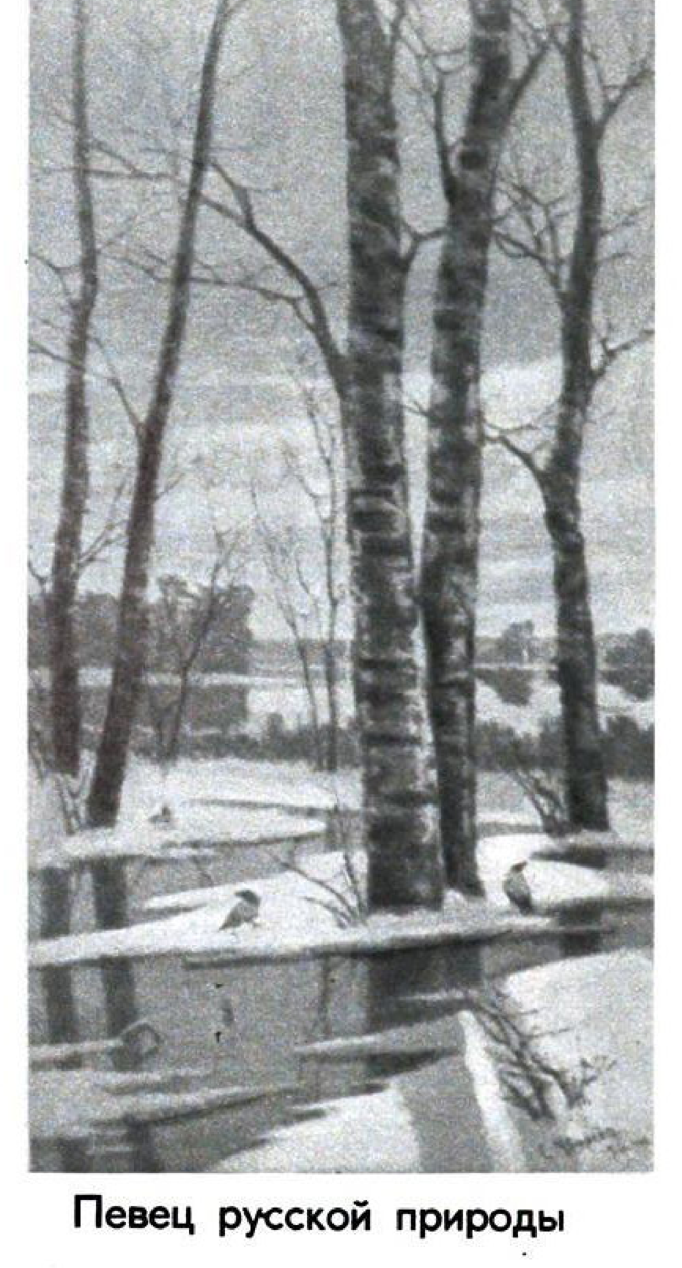
Десантники успешно выполнили приказ командования. Противник был опрокинут.

Однако Гарибова тяжело ранило. Это заметил один из воинов. Он бросился на помощь. Кругом свистели пули, лопались мины, рвались снаряды. Но воин все же подполз к Гарибову и оттащил его в безопасное место. Так была спасена жизнь офицера.

Прошли годы. Врам Манукович сейчас живет и работает в Ленинграде. Он мастер цеха карбюраторного завода. Гарибов никогда не забывает о том, кому обязан своим спасением. Вот только жаль: имя отважного солдата осталось неизвестным. Хочется надеяться, что кто-нибудь откликнется — сам воин или его боевые товарищи.

А. БЕЛОГОЛОВЦЕВ,
председатель Совета ветеранов Невского плацдарма

Ленинград.

Певец русской природы

В № 43 журнала «Огонек» за 1965 год была помещена заметка «Где картины художника?».

Из разных городов, от людей разных профессий и возраста стали приходить письма.

Авторы сообщали о хранящихся у них картинах художника Уварова и рассказывали их историю. Москвичка Н. П. Тупицына пишет: «Примерно в 1906 году Уваров вез свои картины на выставку, кажется, в Нижний. По дороге он остановился в г. Рыбинске, Ярославской области. На дальнейший проезд не было денег, и он вынужден был продать две свои картины, которые приобрел мой отец...»

Г. В. Танашевич, работающая в средней школе Каменец-Подольского, рассказывает: «Картину художника С. Уварова, изображающую уголок Крыма, мне подарила знакомая, родители которой приобрели ее на аукционе...»

Владельцы картин прислали их репродукции... Это большей частью пейзажи — живописные уголки необъятной земли русской, исхоженной художником вдоль и поперек.

Многие картины вытянуты по вертикали — во время длинных переходов художнику такие полотна удобнее было носить за спиной в ранце.

Художественное наследство, оставленное Уваровым, надолго сохранит память о нем как о художнике — певце русской природы.

В. ПРИПУТНЕВ

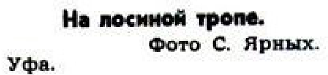
ГЕРОИНЯ ФИЛЬМА — ШКОЛЬНИЦА

Тринадцатилетняя вильнюсская школьница Лине Бракните уже снималась в картинах «Девочка и эхо», «Три толстяка». Сейчас она исполняет главную роль в детском фильме «Дубравка», который ставит Одесская студия.

Дубравка — это девочка-сорванец, которую побаиваются сверстники, даже мальчишки!

Б. АКСЕЛЬРАД

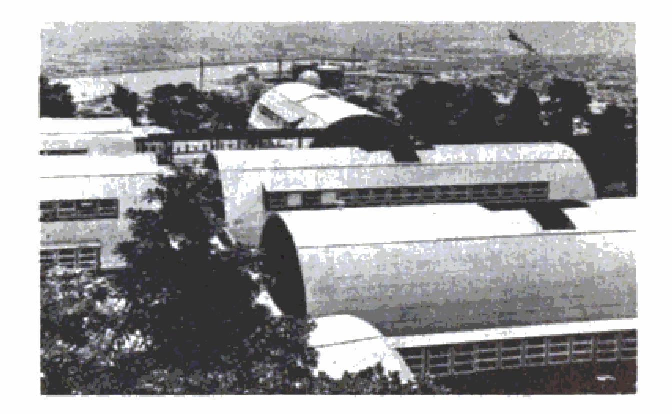
На снимке: кадр из будущего фильма.

На лосиной тропе.
Фото С. Ярных.

Уфа.

АВСС

Иван БОЛДЫРЕВ

Автор очерка — судовой врач Латвийского водздравотдела. На торговых судах он побывал во многих странах мира. Он был первым советским врачом, допущенным в АВСС — секретный американский центр по изучению последствий атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В 1967 году в латвийском государственном издательстве «Лиесма» выходит его книга путевых заметок «Верните человека».

Три недели я дожидался разрешения посетить АВСС («Эй-Би-Си-Си») — американский исследовательский институт-лабораторию на холме Хидзияма. Наконец — телефонный звонок:

— Сегодня поедете в АВСС...— Небольшая пауза, а потом категорическое:— Только никаких записей, блокнотов, фотоаппаратов!

...Живописный холм Хидзияма. Когда-то здесь была резиденция императора Мэйдзи. В парке на холме японцы любили проводить свои празднества. На южном склоне — старое кладбище. Этот клочок земли считался священным. Мэр Хиросимы настойчиво просил американцев выбрать другое место для строительства АВСС, но они с этим не посчитались.

«Шевроле» тяжело одолевает крутой подъем. Отвесные склоны огорожены толстыми трубами и серыми столбами. Дорога, выложенная квадратными бетонными плитами, переходит в асфальт. Машина тормозит у полукруглой арки с плоскими скамейками по сторонам. Отсюда обычно туристы любуются самым современным городом в Японии. Наш пожилой переводчик замечает:

— До катастрофы для Хиросимы были характерны кривые, узенькие улочки, маленькие домишки с садиками. Теперь города не узнать: трубы заводов, большие железобетонные мосты, многоэтажные здания. Как и полагается новому городу, стали шире улицы, красивее дома. На каждого жителя Хиросимы приходится в пять раз больше парков и площадей, чем в Токио.

Еще метров пятьсот пути, крутой поворот — и перед нами главный корпус АВСС.

Входим в просторный холл. Невысокие потолки, квадратные окна, разноцветные стены. На гладких столиках—японские и американские журналы, плоские пепельницы. Не чувствуется привычного для больниц запаха лекарств. В приемной нет ни одного пациента, но обслуживающий персонал создает впечатление занятости, деловитости. Средних лет женщина быстро перебирает картотеку. Другая что-то записывает в журнал. А эта миловидная девушка с заученной улыбкой? Так и есть, направляется ко мне. Просит заполнить несколько граф в специальной книге: откуда приехал, кем работаю и, конечно, разборчиво фамилию, имя.

После окончания формальностей подходит стройная молодая женщина.

— Джен Ошима,— протягивая руку, представилась она.— Наш директор доктор Дарлинг выехал в Токио, его заместитель ушел обедать, поэтому принять вас поручили мне.

Садимся в мягкие кресла, и Джен начинает рассказ:

— Наше учреждение начало создаваться в 1947 году. Тогда приехавшая в Хиросиму частная исследовательская организация США образовала АВСС, что в буквальном переводе означает «Комиссия жертв атомной бомбы». Своей целью она ставила изучение влияния радиации на население Хиросимы и Нагасаки.

Ошима замолчала. И вдруг тишину нарушил крик ребенка. Я обернулся. В приемной стояла женщина, пришедшая на исследование. А ее малыш, словно почуяв что-то недоброе, стал размахивать своими недоразвитыми ручонками и качать большой, с выпуклым лбом головой. К ребенку подбежали заботливые тети (такие есть в институте), дали ему разноцветные кубики, и мальчик успокоился. Мать пошла по длинному коридору и скрылась за дверью тихого кабинета.

— Наша лаборатория, вернее, комиссия,— продолжала Джен, слегка краснея,— разбила больных на три группы. Первая: все находившиеся в двухкилометровом радиусе от эпицентра, вторая — за двухкилометровым радиусом, третья — прибывшие в Хиросиму после атомного взрыва. В каждой по сто тысяч человек. На всех заведены специальные карточки, мы раз в два года обследуем по двадцать тысяч из каждой группы.

Я прошу через переводчика повторить последние слова: правильно ли я их понял?

— Да, правильно,— подтверждает Ошима и продолжает:— За две недели к больному посылают специального курьера с предупреждением о вызове. В назначенное время наш автобус привозит пациента. Процедура обследования занимает обычно один день.

Джен просит ее извинить, снимает телефонную трубку и после короткого разговора уверенным тоном произносит:

— Можно ознакомиться с работой нашего института.

Осматриваем приемное отделение. В маленькую кабину входит больной. Раздевается. Кладет одежду в ящик под номером. Таких ящиков 24. Его провожают в один из десяти кабинетов, кладут на высокую, с рефлектором кушетку, и начинается программное обследование. Включаются сложные приборы и аппараты, изучаются физиологические и биохимические реакции организма, делаются рентгенограммы подозрительных органов, берут мочу, кровь, спинномозговую жидкость, подсчитывают клетки костного мозга.

Проходят часы, и больной обсосан, выжат, словно лимон. Все, он больше не нужен, может идти на все четыре стороны. Если умрет, родственники обязательно должны сообщить о смерти, его труп вскроют.

Отделение «В». Две палаты, восемь коек: четыре мужских и столько же женских. Семь свободных, на восьмой лежит тяжелобольная тучная женщина. Ей лет сорок. Ее привезли из Нагасаки. Она с трудом переводит дыхание. Ее будут лечить? Нет. Американское наблюдение за естественным ходом болезни займет больше суток. Женщина в отделении может переночевать.

Кто-то приоткрыл тяжелую дверь, и в просвете показались аккуратные ящики секретной картотеки, стеллажи с папками историй болезни. Вход строго воспрещен! Там хранится материал о 90 тысячах больных, которых исследовал АВСС, но ни одного не вылечил! Чудовищный факт. Специальное медицинское учреждение расходует сотни тысяч долларов на обследование и не жертвует ни цента на лечение!

Весь мир помнит об успехах врачей Жаммэ, Матэ, Летарже и других из парижского института имени Кюри. Шести пострадавшим в югославском институте ядерной энергии они впервые ввели костный мозг здорового человека — и костный мозг больных обновился, стал вырабатывать кровь. Вот если бы к больным в американском институте было такое внимание...

Владения АВСС — восемь выпуклых двухэтажных корпусов. Целый городок с многочисленными лестницами, переходами, дверями. Сверху на каждом здании большой красный крест. Кто не знает эту эмблему? С обществом Красного Креста связана добровольная помощь больным, раненым, пострадавшим. Но люди, поселившиеся на холме Хидзияма, никому не помогают.

Ошима старается умолчать о результатах исследований. Зачем, например, рассказывать о 70 тысячах детей, родившихся в Хиросиме и Нагасаки и зарегистрированных в АВСС? Зачем напоминать людям, что родители каждого десятого ребенка подвергались воздействию радиации? К чему говорить об умственной неполноценности малышей, об уродствах, замедленном росте, патологических изменениях в органах? Нужно ли вспоминать ослепших?

В 1965 году в хиросимском госпитале умер восьмилетний мальчик — один из тех семидесяти тысяч детей, зарегистрированных в АВСС. Звали его Ясуси. Двадцать лет назад его мать, бывшая тогда ученицей пятого класса одной из школ Хиросимы, пережила атомную бомбардировку. Родившись через одиннадцать лет после налета авиации США, Ясуси стал его жертвой в двадцатилетнюю годовщину этого события.

У людей, переживших взрыв атомной бомбы, подскочила кривая опухолей. Резко повысилась смертность от рака. Начали обнаруживаться в полной мере вторичные последствия радиации — нарушения деятельности головного мозга, сердца, органов дыхания и кровообращения, преждевременное физическое и умственное одряхление. На съезде японских хирургов в Нагоя профессор Харуо Ёдзаки заявил: «Среди жителей Хиросимы и Нагасаки, пострадавших от атомной бомбардировки, отмечается рост заболеваний раком щитовидной железы. Среди посетивших госпиталь у 50 человек обнаружен рак щитовидной железы».

Я прочитал новое издание иллюстрированной книги «Хиросима». Ее автор, очевидец трагедии мистер Киеши Киккава, приводит таблицу главных заболеваний жертв атомной бомбы. Из 660 обследованных 282 страдают анемией, 57 — опухолями, 34 — лейкемией, у 45 атрофируется печень.

Почему-то Джен умолчала об этом. Она показывает механизированную прачечную с новейшими стиральными машинами, гладильный пресс, ведет в мастерскую по ремонту пишущих машинок. Тут работают хозяева страны — японцы. Пусть кто-нибудь попробует заикнуться, что в АВСС не существует американо-японского содружества.

Плотно закрытая дверь с предупреждающей надписью: «Вход запрещен!». Маленькое, не больше тетрадного листа, окошечко. Вижу вспотевшее лицо американца. Он внимательно следит за счет-

Р. Кудревич. ПЕРВАЯ РЕПЕТИЦИЯ.

ными машинами, постоянно что-то записывает. Здесь мозг лаборатории — отдел статистики. Сюда со всех концов АВСС поступают данные исследований, медицинских осмотров, наблюдений, выводов, докладов. Тут рождаются строго секретные цифры, проценты. Человек из Штатов знает им цену.

Карточка чуть больше визитной. На ней группа цифр: 1, 2, 3, 4, 5... Числами зашифровано определенное заболевание, вызванное радиацией. Часть цифр пробита. Можно не поднимать пыльных, громоздких архивов, а по маленькой карточке определить: больной такой-то, страдал тем-то, умер тогда-то...

Очень часто Ошима старается лишний раз повторить слова «о содружестве японских и американских специалистов». Да, содружество можно заметить на каждом шагу. Все коридоры, кабинеты, лаборатории убирают японцы — они ведь так любят чистоту. В строго секретных отделах — радиологии и в лаборатории — их меньше. Зато в типографии АВСС хозяева страны чувствуют себя свободнее. Они подвозят тяжелые рулоны бумаги, набирают, переплетают и упаковывают книги. Но не читают. В научной библиотеке я увидел полки с толстыми трудами института. 424 доклада напечатаны в специальных журналах, и почти все на английском языке. Что делать здесь, в кладовой науки, японцу?

Добрая Джен подарила мне небольшую брошюру о работе АВСС. Вот дословный перевод одного абзаца: «В настоящее время в Хиросиме и Нагасаки (речь идет об АВСС и его отделении.— И. Б.) занято 1 000 человек служащих, из них 950 — японцы и 50 — иностранцы. Иностранцы являются профессиональным штатом, членами руководства (терапевты, эпидемиологи, биохимики, статистики, физики)».

Я беседовал с одним из таких членов профессионального руководства — Кеннетом Джонсоном из Йельского университета. Среднего роста, в очках и халате, доктор Джонсон производит приятное впечатление.

— Да, Россия мне понравилась...— говорит Кеннет и начинает рассказывать о созданном в американском университете русском хоре.— Наш хор ездил в Москву и имел большой успех!

Вдруг лицо моего собеседника преобразилось, и он басисто стал выводить: «Эх, дубинушка, ухнем...» Русская песня в исполнении американского врача, да еще в секретном АВСС! Это что-нибудь да значит!

— Может быть, доктор Джонсон будет столь любезен и ответит на вопросы?

Кеннет положительно кивает головой.

— Среди обследуемых попадаются люди, у которых лучевая болезнь проявилась сейчас, спустя двадцать лет? — спрашиваю я.

— Да, изредка.

— А сколько появится еще больных?

— Неизвестно.

— Скажите откровенно, доктор Джонсон: можно спасти пострадавшего, если ввести ему костный мозг здорового человека?

— Да, можно. Такие работы проводятся у нас в Америке.

— А в АВСС?

— Здесь мы не лечим больных.

ГЛАЗ ТРАУЛЕРА

Современное рыболовецкое судно оснащено счетно-решающей машиной, к которой подключены такие датчики информации, как гирокомпас, лаг, счетчик оборотов винта, гидролокаторы, эхолоты, датчик времени, радиолокатор, пеленгатор... Но и этого, оказывается, мало.

По предложению научных сотрудников Калининградского института рыбной промышленности и Балтийского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии на кибернетической машине дополнительно устанавливается электроннолучевая трубка с экраном, который как бы суммирует всю информацию и дает возможность рыбакам заглянуть под толщу воды, «видеть» косяк, определять скорость его движения. На экране телевизионной трубки развертывается картина происходящего: мы видим идущее судно, контур косяка с центром плотности, трал, встречные суда.

●

ТАЙНА ДДТ

Одна из странных загадок Антарктиды: ученые обнаружили следы хорошо знакомого нам порошка ДДТ в печени и жировых отложениях некоторых животных, обитающих в районе Южного полюса, в тех местах, где ДДТ никогда не применялся. Остается непонятным, однако, откуда берутся в организме пингвинов и тюленей частички этого инсектицида. Вряд ли молекулы ДДТ могли быть принесены в Антарктиду воздушными течениями.

Поиски причин этого непонятного явления продолжаются.

●

КАРМАННАЯ СОЛНЕЧНАЯ ПЕЧЬ

Сразу оговорюсь: второе слово заголовка надо взять в кавычки. Потому что здесь речь пойдет не о тех печах, в которых сфокусированные лучи солнца используются для плавления металлов и которые еще не нашли широкого применения, а об установке, которая делает то же самое, но не зависит от капризов погоды,— о приборе замечательных возможностей.

...На Московском электроламповом заводе в лаборатории В. П. Сасорова инженеры К. Е. Сумин, И. А. Сахарова, А. И. Брандер поставили перед собой задачу: использовать искусственный свет для плавления металлов. Источник света — разборная ксеноновая лампа конструкции Сасорова мощностью 10 киловатт.

Инженер Иветта Александровна Сахарова пригласила меня в соседнюю комнату, подала защитную маску и подвела к установке. Примерно на высоте человеческого роста я увидел эллипсоидный отражатель. Заглянув под него, убедился, что там примостилась ксеноновая лампа. От нее тянулись толстые провода и шланги для охлаждающей воды. Иветта Александровна положила вниз на основание штатива лист железа и включила установку.

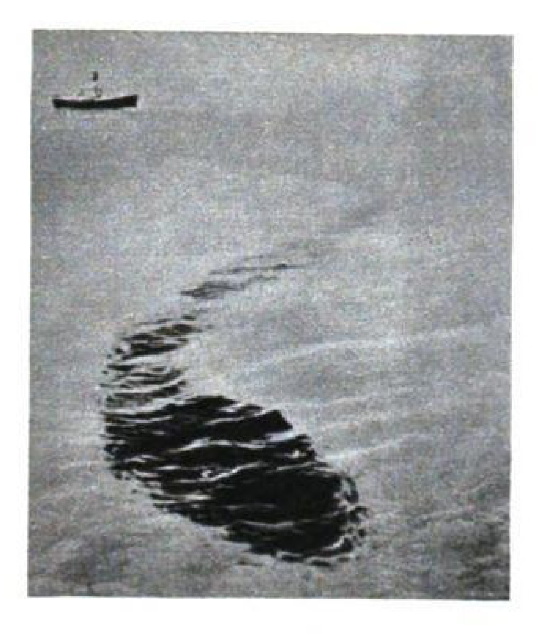
Сквозь темное стекло защитной маски я увидел, как поток лучей, направленный отражателем, быстро раскалил, расплавил и прожег отверстие в железном листе. Металл сдался под натиском света.

Принцип работы этой световой вагранки прост: в одном фокусе отражателя — лампа; ее лучи собираются во втором фокусе. В световом пятне температура достигает 3—4 тысяч градусов. Это тепло абсолютно стерильно, свет не может загрязнить расплавляемое вещество. Отсюда и применение установки — для получения сверхчистых материалов. Плавку можно производить в разных средах или в вакууме. В камере достаточно сделать небольшое окно из стекла, через которое лучи ворвутся внутрь и сделают свое дело.

И еще одно применение: выращивание кристаллов. В расплавленное светом и превращенное в газ вещество помещают затравку и в этих идеальных условиях получают монокристалл.

Установка радиационного нагрева — так называется печь — имеет своих предшественников. Так, до сих пор для этой цели используются дуговые лампы, но их действие продолжается не более 20 минут. Установка, созданная на Московском электроламповом заводе, отличается завидной выносливостью: она может работать столько, сколько требует технологический процесс. Это роднит ее с вечно сияющим солнцем.

Б. ФОМИН

СНОВА МОРСКОЙ ЗМЕЙ?

Океан был удивительно прозрачен и спокоен в то утро. Небольшое судно направлялось к коралловым рифам Большого барьера (Австралия). Вдруг один из пассажиров, стоявший у поручней, закричал: «Посмотрите, какая-то странная штука впереди!»

На воду была спущена шлюпка, и двое смельчаков — французы Робер Лесерек и Хенк Дейон, вооруженные фотоаппаратами, поплыли к странному подводному существу, напоминавшему огромную змею. Оно спокойно лежало на глубине трех метров и словно ждало приближающихся людей.

Первое, что поразило Робера Лесерека и Хенка Дейона,— два блестящих бледно-зеленых глаза с вертикальными, как у кошки, зрачками.

За огромной черной головой извивалось тонкое туловище, лоснящееся, как у акулы. Оно также было черное с коричневыми пятнами, длина туловища составляла приблизительно 22—24 метра.

Когда люди подошли почти вплотную и стали фотографировать, животное открыло пасть и затем медленно исчезло в глубине.

Редакция французского журнала «Пари-матч» обратилась к видным ученым — Полю Будкеру, профессору парижского Музея естественной истории, и к Ивану Сендерсону из Кембриджа с просьбой прокомментировать этот рассказ и фотоснимки, сделанные Робером Лесереком. Мнения ученых совпадают: фотографии подлинные, в них нет никакой подтасовки. Животное, которое встретили путешественники, по-видимому, принадлежит к очень редкой разновидности гигантских угрей, живущих на больших глубинах. Только серьезное ранение могло заставить животное подняться из морской пучины на поверхность океана. Это как будто совпадает с тем, что видел Лесерек: у хвоста чудовища он заметил огромную язву.

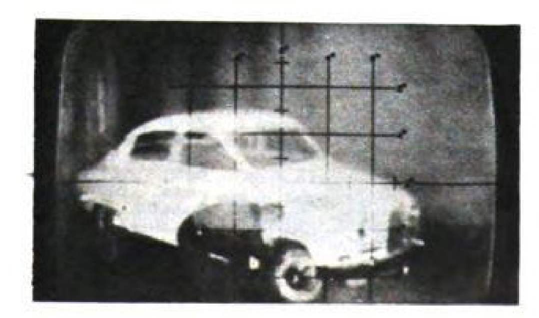
●

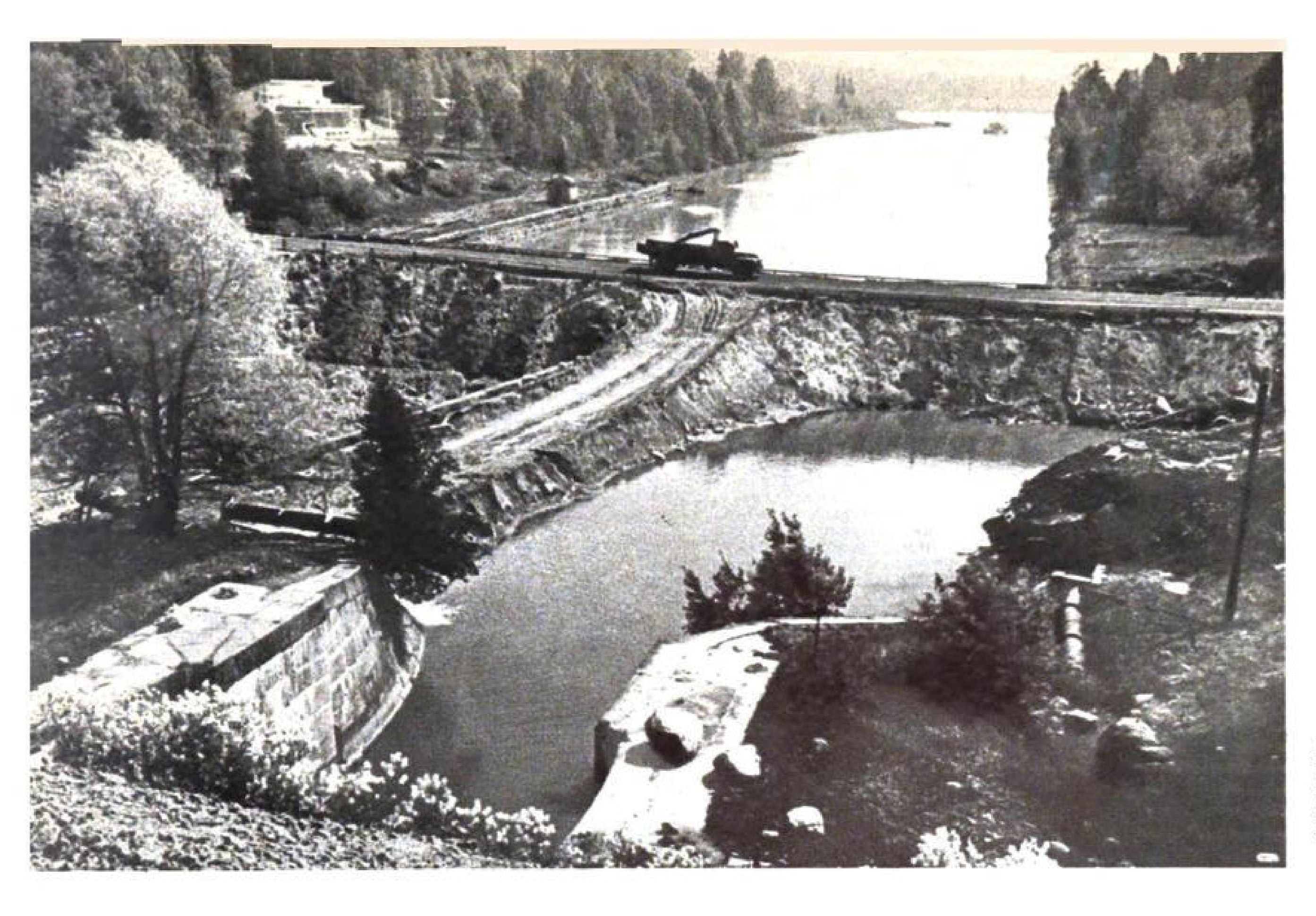
ТЕЛЕЛАЗЕР

В США создана телевизионная камера, видящая в темноте. Это стало возможно благодаря тому, что предметы освещаются лучом лазера такой низкой световой напряженности, что он незаметен, и те, кого показывают на экране телевизора, могут об этом и не подозревать. В новом устройстве используется газовый лазер, его луч достаточно силен для того, чтобы стали видны предметы и люди на расстоянии до 9 метров от камеры.

Система телевизионного лазера может найти применение в авиации при посадке самолетов в темноте. Очертания взлетно-посадочной дорожки будут точно воспроизведены на телевизионном экране в кабине самолета. В будущем телелазер поможет в изучении жизни ночных животных.

В. ФРЕНКЛАХ

Вот где прокладывается канал советско-финской дружбы.

На трассе канала. 29 ноября на канале, через пролив Кивисилмансалми, были введены в эксплуатацию два моста, сооруженные советскими строителями.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ САЙМЕНСКОГО КАНАЛА

Г. Я. ПЯСЕЦКИЙ, уполномоченный СССР по Сайменскому каналу

Отношения Советского Союза с его соседями знают немало примеров, когда во имя дружбы и взаимопонимания успешно решались самые различные и порой сложные проблемы использования водных бассейнов в пограничных районах. Так, в духе уважения национального суверенитета и на взаимовыгодной основе были решены вопросы судоходства и ирригации на Дунае. Советский Союз построил на Аму-Дарье порт Кзыл-Кала для Афганистана и разрешил Норвегии и Финляндии соорудить в Мурманской области заполярные электростанции для нужд этих стран.

Наконец, ярким свидетельством истинно дружеских и добрососедских отношений явилась передача в аренду Финляндской республике советской части Сайменского канала и острова Малый Высоцкий в Финском заливе сроком на 50 лет. История не знает еще такого примера, когда бы великая держава отдавала свои сооружения и часть территории в аренду малому соседу в интересах его экономического развития.

Необходимость создания водной системы, соединяющей юго-восточную часть Финляндии с Балтийским морем, возникла давно. Еще 121 год назад было начато строительство Сайменского канала, продолжавшееся одиннадцать лет. Сейчас его сооружения устарели. Нужно было реконструировать канал. Значительная его часть проходит по советской территории; поэтому Финляндия обратилась к Советскому Союзу с просьбой предоставить в аренду эту часть, а также остров Малый Высоцкий в Финском заливе, где бы могли останавливаться для перегрузки океанские суда.

Советский Союз пошел навстречу этой просьбе. В соответствии с договором финская сторона приняла обязательство в течение пяти лет реконструировать канал. С помощью восьми шлюзов морские суда будут совершать прыжок высотой в 76 метров от уровня Балтийского моря в бассейн озера Сайма. Возводятся сложные инженерные сооружения: 8 шлюзов, 13 мостов, причалы, строятся дороги, линии электропередач и связи, служебные здания, жилые поселки... За пользование каналом Финляндия выплачивает Советскому Союзу весьма умеренную арендную плату. Предполагается, что водный путь вступит в эксплуатацию досрочно, в навигацию 1968 года. В прежние времена по Сайменскому каналу плавали малотоннажные суда, грузоподъемностью 200—300 тонн. После окончания работ здесь будут проходить суда грузоподъемностью до 2 тысяч тонн.

Велик интерес финского народа

ПЛАМЯ НЕ ГАСНЕТ

Осенью 1964 года в португальской колонии Мозамбике началось вооруженное восстание. И вот через два года мне пришлось встретиться с одним из тех, кто был в ту осень шестьдесят четвертого года во главе двухсот пятидесяти патриотов, зажегших пламя освободительной борьбы,— с председателем Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО) Эдуардо Мондлане.

— Говорить о нашей борьбе — это значит говорить о всей нашей жизни, потому что борьба — главное содержание того, чем мы живем,— произносит он.— Два года продолжается наша борьба. Одна пятая часть страны уже освобождена патриотами. Из семи миллионов населения Мозамбика два миллиона живут на освобожденной территории. В наших рядах — семь тысяч вооруженных борцов. Еще десять — двенадцать тысяч обучены и готовы взять в руки оружие.

В нашей борьбе мы не одиноки. Мы получаем помощь от братских африканских народов — из Танзании, Алжира, ОАР, из других государств Африки. Нам помогают испытанные друзья — Советский Союз и многие социалистические страны. Эта помощь разнообразна. Ведь у нас теперь есть освобожденные районы, где мы налаживаем административную систему, создаем школы и курсы для обучения взрослых, налаживаем производство. Это бывает нелегко, потому что лучшие люди — среди борцов. И нам не хватает обученных кадров.

Следует сказать, что в последнее время в связи с расколом Африки уменьшилась помощь от африканских стран. Она сократилась примерно на одну четвертую часть. И поэтому для нас особенно важна братская поддержка стран социализма. Мы говорим это советским людям, потому что вы знаете: наша борьба — часть общей борьбы против угнетения и эксплуатации человека человеком. Когда советские люди в 1917 году подняли знамя революции, они показали пример другим народам. Мы хотим сказать вам о том, что дух вашей революции не угас, что ваша революция продолжается. Вы понимаете свою ответственность, и начатая вами борьба находит свое продолжение, зажигает сердца.

Беседуя с Эдуардо Мондлане, я попросил его рассказать, что привело его в ряды борцов.

— Моя жизнь — характерный пример: у нас воспитание патриота начинается в школе, но не по тем программам, которые существуют для школ, а в результате тайных встреч под видом собраний литературных кружков или других подобных организаций. Многие еще в юности прошли свои первые революционные университеты именно

к строительству Сайменского канала. Для сегодняшней Финляндии с ее тысячами озер и десятками тысяч километров внутренних водных путей, с ее почти пятимиллионным населением, пятая часть которого живет по берегам Сайменской системы, это строительство имеет большое значение. Территория в 70 тысяч квадратных километров получит выход к морским путям. Сооружение новой водной трассы уже сейчас позволяет занять многие тысячи финских рабочих и специалистов, а ее эксплуатация даст новый стимул для развития восточных губерний Финляндии.

Сразу после заключения договора об аренде советской части канала началось строительство промышленных предприятий в этом районе. В бассейне Сайма финны намечают построить ряд новых портов.

Из внутренних районов страны за границу пойдут суда с лесом, целлюлозой, бумагой и другими товарами финского экспорта, а внешнеторговые партнеры Финляндии смогут использовать эту трассу для доставки своих товаров. Так, из Советского Союза, Польши, ГДР будут ввозиться водным путем уголь, руда, машины, оборудование. «На всех этапах советско-финляндских переговоров по вопросам Сайменского канала,— отмечала газета «Кансан уутисет»,— единственное стремление СССР состояло в том, чтобы оказать Финляндии максимальную помощь».

Темп строительства нарастает с каждым днем. Более полутора тысяч финских рабочих и специалистов и около 1 200 советских строят шлюзы, мосты, углубляют новую трассу, прокладывают новые участки в скальных грунтах Карельского перешейка, строят причалы и другие сооружения. Общая готовность канала сегодня — около 70 процентов.

Взаимоотношения между советской и финской сторонами, между советскими и финскими гражданами на территории Сайменского канала носят самый дружественный характер. На советской территории рядом с советскими специалистами живут и трудятся сотни финнов, они изучают русский язык, русские — финский; участники стройки вместе отдыхают, встречаются в спортивных состязаниях. В совместном созидательном труде крепнут взаимопонимание и дружба граждан Советского Союза и Финляндии.

там. И меня впервые арестовали — это было в 1945 году — за участие в таком кружке. Потом меня выслали в Лисабон. Но и там меня продолжала преследовать полиция. Позже, получив образование, я работал в Организации Объединенных Наций. Но мне всегда хотелось быть ближе к своей стране. Каждый из нас, получивших образование, мог бы найти для себя спокойное и достаточно обеспеченное место в жизни. Но мы не могли не вступить на путь борьбы, потому что мы считаем себя частью народа. Жить без народа, вне его стремления к свободе, без желания помочь ему — это преступление.

А. СЕРБИН

ЛЬВА ОБИДЕЛИ...

Этот снимок сделан на борту английского крейсера «Тигр», в Средиземном море, где-то недалеко от Гибралтара. В перерыве переговоров с главой правительства Великобритании Гарольдом Вильсоном премьер-министр расистского правительства Южной Родезии Ян Смит (справа) вышел прогуляться по палубе.

Английские политики возлагали большие надежды на эти переговоры. Кризис в англо-родезийских отношениях тянется уже давно. Источник его — откровенно расистская позиция Яна Смита и нежелание английского правительства принять решительные меры против взбунтовавшихся расистов. Однако после переговоров на «Тигре» у британского льва появились надежды на то, что кризис можно ликвидировать полюбовно. Ведь в конце концов за последнее время Англия дала немало доказательств тому, что она готова пойти на уступки непослушным сынам империи. И сами переговоры на «Тигре» шли без всякого участия большинства населения Южной Родезии — африканцев.

С борта крейсера Гарольд Вильсон привез так называемый «рабочий документ» — план урегулирования. Английская печать объявила, что дело на мази. Английский кабинет одобрил этот документ. Казалось бы, все хорошо...

Но 5 декабря вечером перед

толпой, собравшейся у его канцелярии, Ян Смит громогласно объявил, что правительство Южной Родезии отвергло соглашение, достигнутое на крейсере «Тигр». Толпа расистов оглушительными криками приветствовала решение своих главарей.

Так британскому льву снова наступили на хвост.

Фото ЮПИ.

ПОТУСТОРОННИЕ НРАВЫ

Мэр Сайгона

Элегантный, черного цвета китель. На белой фуражке и на рукавах горит золото. На груди — несколько рядов орденских планок. Снежно-белая рубашка, черный галстук и традиционно не зауженные внизу брюки. Образцовый на первый взгляд офицер. Зовут его Арчи Коонтци, он капитан военно-морского флота США, ему 46 лет.

Военная служба забросила его в Сайгон, и с тех пор в этом беспокойном городе стали твориться уж вовсе невероятные вещи. Известно, что в Сайгоне в последние годы всеми делами заправляет американский посол. Но вот центр американской власти в этом городе стал постепенно перемещаться из посольских апартаментов в другой сайгонский особняк по адресу Ред Кросс-стрит, 74. Владельцем особняка был Арчи Коонтци. Жил он там на широкую ногу. Дом его всегда был полной чашей, и там в любое время суток мог стоять дым коромыслом. Там уж если пили, так ящиками, если играли, то на тысячи. Успеху веселых пиршеств в немалой степени способствовала 19-летняя Дженни Сьюзн, подруга капитана. У ее ног собиралась вся сайгонская элита. И не было ни одного дипломатического приема в городе, на котором не появлялась бы Дженни в сопровождении бравого капитана.

Но это была лишь одна, внешняя, видимая всем сторона жизни Арчи Коонтци. За этой развеселой ширмой развернулся такой бизнес, которому могут позавидовать крупнейшие воротилы Уолл-стрита. Скромный флотский капитан мог вполне объявить свой особняк сайгонским филиалом нью-йоркской биржи, ибо через его руки проходили ценности на сотни миллионов долларов. Но Коонтци не спешил с легализацией нового финансового центра. Он довольствовался пока тем, что в интимном кругу называл себя мэром Сайгона.

Любой бизнес такого масштаба, какой был у него, требует современной организации. Была она и у капитана. В огромном офисе Коонтци сидело, как положено, несчетное число клерков, стрекотали пишущие машинки, загадочно поблескивали счетные машины. Правда, надо оговориться: считалось, что вся эта организация обслуживает не капитана, а государство, то есть Соединенные Штаты Америки. Дело в том, что Арчи Коонтци возглавлял всю американскую службу снабжения в Южном Вьетнаме. Если в строю он и числился капитаном, то по размаху темных делишек был по меньшей мере адмиралом. К его цепким рукам прилипала немалая доля американских поставок. Реализуя эту свою долю, капитан развил бурную деятельность — от валютных операций до спекуляции дефицитными товарами.

Почему же тайное стало явным? На чем споткнулся капитан-бизнесмен? Он лично, пожалуй, ничем не сплоховал. Споткнулся американский образ жизни, экспортированный в Южный Вьетнам вместе с солдатами, самолетами и ракетами. Уже давно Сайгон превратился в один сплошной черный рынок, на котором идет бойкая спекуляция американскими товарами. Говорят, что там можно купить все — от пачки сигарет «Кэмел» до реактивного самолета (по частям, а можно и целиком). Незаконные валютные операции ведутся в любой подворотне. Американские солдаты и офицеры делают деньги, не отходя от казарм. Коонтци был одним из таких оккупантов-коммерсантов, но его подвел колоссальный размах финансовых операций. Но этот же размах и спас его. Он в своем воровстве и казнокрадстве переступил ту незримую черту, за которой нет воров и жуликов, а все бизнесмены.

Вот почему морской капитан Коонтци вышел, можно сказать, сухим из воды. Военный суд в составе трех адмиралов и шести капитанов внимательно выслушал прокурора, защитника и самого обвиняемого. Последний, разумеется, не вдавался в подробности своих деловых операций. Он произнес мелодраматическую речь под лозунгом: «Я делал это все для Дженни».

Защитник капитана стал на более практичную точку зрения. Он прямо так и заявил, что из Коонтци решили сделать козла отпущения за те массовые спекуляции, которыми занимаются американцы в Южном Вьетнаме. Суд, видимо, учел и этот намек защиты и решил не выносить сор из избы. Но тем не менее приговор был оглашен. Во-первых, капитан был обвинен в том, что он открыто, не таясь, проживал вместе со своей наложницей. Во-вторых, он разрешал пользоваться ей служебной машиной. И, в-третьих, капитан обвинялся в том, что как-то незаконно приобрел несколько метров сукна.

За все эти грехи было решено немного замедлить дальнейшее продвижение капитана по служебной лестнице. В ответ обиженный Коонтци заявил, что подает в отставку.

Так Сайгон остался без своего американского мэра. Надолго ли?

В. НИКОЛАЕВ

Рисунок Н. Лисогорского.

Мегрэ и старая дама

Жорж СИМЕНОН

Роман

Рисунки П. Пинкисевича.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СВЕТ В САДУ

В этот вечер Кастэн не раз тайком поглядывал на Мегрэ, спрашивая себя, действительно ли комиссар знает, чего хочет. На самом ли деле Мегрэ — великий человек, которому стремятся подражать молодые полицейские инспектора? Или же он просто не в форме, во всяком случае сегодня,— и дал увлечь себя событиям?..

— Посидим где-нибудь,— предложил комиссар Кастэну, найдя инспектора у отеля, где тот вел наблюдение.

Добродетельные граждане, протестующие против количества питейных заведений, не сомневаются, что для того и существуют кабачки, чтобы оказывать услуги полиции. Случайно один из них находился в пятидесяти метрах от Приморской гостиницы, и оттуда можно было наблюдать за окнами Тео.

Кастэн решил, что комиссар собирается поговорить с ним, дать какие-то распоряжения.

— Я бы выпил кофе с коньяком,— признался Мегрэ.— Сегодня что-то прохладно.

— Вы уже ужинали?

— По сути дела, нет.

— И не будете?

— Не сейчас.

Он не был пьян, хотя то здесь, то там немало выпил с утра. Вероятно, поэтому и выглядел таким разомлевшим.

— Может, Тео спит,— сказал он, поглядев в окно.

— На всякий случай я еще понаблюдаю?

— Наблюдай, сынок. И если не будешь спускать глаз с дверей отеля, что намного важнее, чем окна, можешь оставаться здесь. Я же, кажется, отправлюсь сейчас пожелать доброй ночи Валентине.

Но он просидел еще добрых полчаса, не говоря ни слова, задумчиво глядя перед собой. Наконец поднялся, вздохнул и, сунув руки в карманы, с трубкой в зубах, вышел. Кастэн слышал, как стихали его шаги на безлюдной улице.

Без нескольких минут десять Мегрэ остановился у калитки «Гнездышка». Дорогу заливал месяц, окруженный широким сиянием. По пути ему никто не встретился. Ни собака не залаяла, ни кошка, выскочив из-под ног, не юркнула за ограду. Только где-то в болотце монотонно квакали лягушки.

Привстав на цыпочки, он попытался увидеть, горит ли еще свет у старой дамы. Ему показалось, что окна первого этажа освещены, и он вошел в калитку, которая не была заперта.

В саду было сыро, сильно пахло перегноем. Идя по тропинке, он цеплялся за ветэн, и шелест их, вероятно, был слышен в доме.

Дойдя до мощеной площадки перед домом, он увидел освещенные окна гостиной и Валентину. Приподнявшись из кресла, она настороженно прислушалась, замерла на мгновение, потом подошла к стене и неожиданно погасила свет.

Как раз в этот момент он чихнул. Легкий скрип означал, что открыли одну из створок окна.

— Кто там?

— Это я, Мегрэ.

Раздался короткий нервный смешок, как будто смелый чем-то напуган.

— Прошу прощения. Сейчас зажгу свет.— И добавила тише, словно разговаривая с собой: — Что за напасть, где же выключатель? Ах да! Вот он...

Вероятно, она повернула сразу два выключателя, так как осветились снова не только окна салона, но зажглась и лампа в саду, почти над головой комиссара.

— Сейчас открою вам дверь.

Она была одета так, как он уже привык ее видеть. На круглом столике перед креслом, где он ее застал, были разложены карты для пасьянса.

Она суетливо хлопотала в своем опустевшем домике, ходила из комнаты в комнату, отпирала и запирала двери, гремела задвижками.

— Видите, не такая уж я храбрая, как утверждала: я забаррикадировалась. Я не ждала, что вы придете.

Ей не хотелось задавать ему вопросы, но она была явно заинтригована.

— Вы не торопитесь? Зайдите, присядьте.— И заметив, что он посмотрел на карты: — Чем-то ведь надо скрашивать одиночество. Что вам предложить?

— Видите ли, приехав в Этрета, я пью с утра до вечера. Ваш пасынок Шарль явился утром и угостил меня пикон-гренадином. К нам присоединился Тео, мы выпили и повторили. Затем я встретил инспектора, и мы зашли в кафе поболтать. Захожу к вам — и на столе автоматически появляется бутылка кальвадоса. Доктор оказался не менее гостеприимным. Трошю потчевали меня сидром.

— Они хорошо встретили вас?

— Не так уж плохо.

— Узнали у них что-нибудь интересное?

— Может быть. Пока следствие не окончено, трудно различить, что интересно, а что нет. К вам кто-нибудь заходил после меня?

— Нет. Но я сама выходила из дому. Навещала старушку Сёрэ. Она ведь так стара, что все давно считают ее умершей и никто не бывает у нее. Она моя ближайшая соседка. Будь я помоложе, я могла бы перебираться к ней прямо через изгородь... Теперь, как видите, я одна. Мой драгун в юбке уже давно убрался восвояси. Поначалу мне хотелось взять новую прислугу и поселить ее в доме, но теперь я задумываюсь, стоит ли, уж больно хорошо мне одной.

— Вам не бывает страшно?

— Это случается, вы могли только что убедиться сами. Услышав ваши шаги, я немного растерялась. Что бы я стала делать, ворвись ко мне бродяга? Как вы находите мой план? Сначала я гашу свет в доме, затем зажигаю лампочку в саду: меня не видно, я же вижу все.

— Мне кажется, это блестящий метод.

— Сейчас, правда, я забыла зажечь лампочку в саду. Надо будет вспомнить о ней в следующий раз и сразу найти выключатель.

Он глянул ей на ноги, отметив, что на ней были ботинки, а не домашние туфли. Но позволяла ли она себе, даже оставаясь дома, носить домашние туфли не только в спальне?

— Все еще никаких новостей, господин Мегрэ?

Он сидел в кресле, которое стало для него как бы своим. Вечером комната выглядела уютнее, чем при дневном освещении: круги мягкого света под лампами, тени по углам. Кот на этот раз был внизу; спрыгнув с кресла, он тут же подошел к комиссару и, задрав хвост, принялся тереться о его ноги.

— Вы не понимаете кошачий язык? — пошутила она.

— Нет, а что?

— Он просит приласкать его. Вы тревожились за меня?

— Я хотел убедиться, что здесь все в порядке.

— Вы все еще не убедились? Надеюсь, вы не обрекли какого-нибудь несчастного инспектора на то, чтобы он всю ночь проторчал на дороге, охраняя меня? В таком случае меня следовало предупредить, я поставила бы в кухне раскладушку.

Она была очень оживлена, в глазах у нее поблескивали озорные огоньки. Принеся графин, она налила ему, наполнила до краев и свою рюмку.

— Ваша жена довольна вашей профессией?

— У нее было достаточно времени, чтобы привыкнуть к ней.

Он откинулся на спинку кресла, набил трубку, глянул на бронзовые стенные часы с двумя толстощекими амурами по бокам.

— Часто вы раскладываете пасьянс?

— Вы ведь знаете, что для одиноких людей других игр почти нет.

— Роза не играла с вами?

— Я пыталась обучить ее игре в белот[1], но безуспешно...

Должно быть, Валентина терялась в догадках, что привело его сюда. Временами он, казалось, клевал носом, и она опасалась, что он совсем уснет в кресле, как это случилось с ним после обеда.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—49.

[1] Карточная игра, распространенная во Франции. (Прим. перев.)

— Пойду-ка, пожалуй, к себе в отель и лягу в кровать,— произнес он со вздохом.

— Может, еще одну рюмку, последнюю?

— А вы со мной выпьете?

— Да.

— Тогда согласен. Дорогу я теперь знаю и не боюсь заблудиться. Наверно, и вы скоро отправитесь спать?

— Да, через полчаса.

— Примете снотворное?

— Нет. Я не купила. Теперь меня это немного страшит.

— Но вы все-таки спите?

— В конце концов я, конечно, засну. Старым людям не нужен долгий сон.

— Значит, до завтра.

— До завтра.

Опять он, пробираясь через сад, задевал за ветки; чуть слышно скрипнула калитка. Постоял еще немного у обочины дороги, поглядел на край крыши и трубу, которые в бледном свете луны четко выделялись на фоне зелени. Потом поднял воротник пиджака: стало холодно и сыро — и, широко шагая, направился к городу.

Обойдя открытые еще кабачки — внутрь он не заходил, только наскоро оглядывал посетителей,— он удивился, что не повстречал Анри. Тот, видимо, все еще разыскивал Тео.

Знал ли Анри, что Тео вернулся к себе в отель? Осведомлялся ли сам о нем у портье? А может быть, он уехал не солоно хлебавши? Мегрэ не знал, в котором часу отчаливает из Феканского порта его судно, отправляясь на две недели промышлять рыбу в Северном море.

Он зашел на минуту в бар казино, там никого не было, только Чарли подсчитывал выручку.

— Вы не видели здесь рыбака?

— Сына Трошю? Заходил час назад и был уже сильно под мухой.

— Он ничего не говорил?

— Мне — нет. Но сам с собой разговаривал и чуть было не забыл свой мешок. Забрасывая его за спину, он все смахнул со стойки и разбил два стакана.

Кастэн все еще торчал на улице, наверное, чтобы не заснуть. Окна Тео были по-прежнему освещены.

— Вам попадался брат Розы, господин комиссар? Он только что прошел здесь, выписывал ногами кренделя.

— А в отель он заходил?

— Думаю, что он даже не заметил, что тут стоит отель.

— Он разговаривал с тобой?

— Нет, я прижался к стене.

— В какую сторону он направился?

— Он спустился по улице, потом свернул направо, должно быть, потому, что направо вел тротуар. Что будем делать дальше?

— Ничего.

— Мне оставаться здесь?

— Почему бы и нет?

— Вы полагаете, что Тео все же выйдет?

— Не знаю. Может быть.

И тут, уже во второй раз, Кастэна охватило сомнение: не слишком ли преувеличена слава комиссара? Во всяком случае, ему не следовало пить.

— Пойди-ка и узнай в отеле, спрашивал о нем кто-нибудь или поднимался к нему.

Через некоторое время Кастэн вернулся, ответ был отрицательным.

— Ты уверен, что в кабачках, когда ты следил за Тео, с ним никто не разговаривал и сам он ни к кому не обращался?

— Разве что к кабатчикам — заказать очередную порцию. Он ведь знал, что я следую за ним по пятам. Время от времени он даже нерешительно посматривал на меня, может быть, считал, что проще бы нам пить вместе.

— Писем ему не передавали?

— Ничего похожего я не заметил. Вам не кажется, что вам следовало съесть хотя бы сандвич?

Мегрэ, казалось, не расслышал. Вынув трубку из кармана, он, не торопясь, набил ее. Ореол вокруг месяца все увеличивался, и видно было, как нечто вроде дымки, ползущей с моря, затягивает понемногу улицы.

Пока это был не настоящий туман: сирена не начала еще завывать.

— Через неделю здесь, кроме местных, никого не останется,— заговорил Кастэн.— Прислуга из гостиниц отправится на юг, там начинается новый сезон, приезжают новые клиенты.

— Сколько на твоих часах?

— Без двадцати одиннадцать.

Что-то, должно быть, насторожило Мегрэ; помолчав немного, он вдруг заявил:

— Я оставлю тебя на минутку. Зайду к себе в отель. Позвоню.

Он позвонил из будки в Фекан, на квартиру Шарлю Бессону.

— Говорит Мегрэ. Простите за беспокойство. Надеюсь, вы еще не легли?

— Нет. У вас новости? Вот теперь жена у меня заболела бронхитом и все же хочет ехать завтра на похороны.

— Скажите, господин Бессон, у вашей жены было когда-нибудь кольцо с большим изумрудом?

— С чем?

Мегрэ повторил.

— Нет.

— А вы когда-нибудь видели такое кольцо у своих близких? У Арлетты, например?

— Как будто бы нет.

— Благодарю вас.

— Алло! Господин Мегрэ...

— Да.

— Что это за история с кольцом? Вы что, нашли такое?

— Еще не знаю. Мы поговорим об этом на днях.

— Там все в порядке?

— Сейчас все спокойно:

Мегрэ повесил трубку, подумал немного, потом заказал номер парижского телефона Арлетты. Его соединили сразу, быстрее, чем с Шарлем. Ответил мужчина, это был первый контакт комиссара с Жюльеном.

— Жюльен Сюдр слушает,— спокойно произнес довольно низкий голос.— Кто говорит?

— Комиссар Мегрэ. Я хочу поговорить с мадам Сюдр.

Он услышал, как тот же голос пробасил:

— Это тебя. Комиссар.

— Алло! Какие-нибудь новости?

— Нет, как будто. Пока что нет. Я хотел бы задать вам один только вопрос. У вас никогда не крали драгоценностей?

— Почему вы спрашиваете меня об этом?

— Отвечайте.

— Нет. Как будто нет.

— У вас их много?

— Кое-что есть. Подарки мужа.

— У вас когда-нибудь было кольцо с изумрудом солидного размера?

Короткое молчание.

— Нет.

— Вы не припоминаете такое кольцо?

— Нет, не припоминаю.

— Благодарю вас.

— Вы больше ничего не хотите сказать мне?

— Сегодня ничего.

Ей не хотелось, чтобы он вешал трубку. Чувствовалось, что она ждала, чтобы он продолжал разговор. Возможно, ей самой было что сказать, но она не решалась при муже.

— Ничего неприятного? — только и спросила она.

— Ничего. Спокойной ночи. Я думаю, вы сейчас оба ляжете спать.

Подумав, что он говорит это иронически, она сухо ответила:

— Да. Спокойной ночи.

Кроме ночного дежурного, в холле никого не было. В глубине стояло кресло, в котором он увидел Арлетту, когда она пришла к нему в первый вечер. Тогда он еще не был знаком с ней.

Он пожалел, что не захватил с собой из Парижа пальто, чуть было не позвонил мадам Мегрэ, чтобы пожелать ей доброй ночи, пожал плечами и отправился к Кастэну, который с мрачным видом стоял на своем наблюдательном пункте. И в этом отеле холл был безлюден. Почти все окна, за исключением двух-трех, были темны. Потух свет еще в одном окне, но не у Тео.

— Что бы он мог там делать? — пробурчал Кастэн.— Наверняка читает лежа в постели. Если вообще не заснул, забыв погасить свет.

— Который час?

— Полночь.

— Ты твердо уверен, что никто...

И тут инспектор хлопнул себя по лбу, чертыхнулся и прорычал:

— Ну и идиот же я! Я забыл сказать вам...

— Что ты забыл сказать?

— С ним никто не разговаривал в кабачках, это верно. Ему никто не передавал писем. Но когда мы были в баре на почте — во втором баре, куда он зашел,— хозяин сказал ему через какое-то время: «Вас просят к телефону».

— В котором часу это было?

— Чуть позже восьми.

— Хозяин не назвал по имени, кто звал его?

— Нет. Тео вошел в будку. Я наблюдал за ним сквозь стекло. Он не говорил. Он только слушал и время от времени произносил: «Да... да...»

— И все?

— Как это могло выскочить у меня из головы! Надеюсь, это не слишком серьезно, патрон?

— Мы это узнаем. Какое у него было выражение лица, когда он вышел из будки?

— Точно не могу сказать. Вроде бы его что-то удивило. Или заинтриговало. Но он не был обозлен.

— Пойдем. Подождешь меня в холле.

— Какую комнату занимает господин Бессон? — спросил комиссар у портье.

— Двадцать девятую на третьем этаже. Он, наверно, спит. Он просил его не беспокоить.

Мегрэ, ничего не объясняя, стал подниматься по лестнице, остановился на мгновение отдышаться и вскоре очутился перед белой дверью с медными цифрами на ней: «29». Постучал, ему не ответили. Постучал сильнее, настойчивее, склонился над лестничным пролетом.

— Кастэн!

— Я здесь, патрон.

— Спроси служебный ключ. У них должен быть ключ, открывающий все двери в отеле.

Это заняло какое-то время. Мегрэ выколотил трубку на ковер рядом с большой фаянсовой урной, заполненной песком и окурками.

Портье шел впереди, видимо, сильно раздосадованный.

— Только на вашу ответственность. Завтра вам придется объясняться с хозяином. Полиция или не полиция, все равно: так не положено.

Он выбрал ключ из большой связки, висевшей на цепи, но, прежде чем отпереть, осторожно постучал и приложил ухо к двери.

Наконец они вошли в комнату, которая оказалась пустой. Постель стояла нетронутой. Мегрэ открыл стенной шкаф, увидел там темно-синий костюм, черные туфли и габардиновый плащ. Бритва и зубная щетка были в ванной.

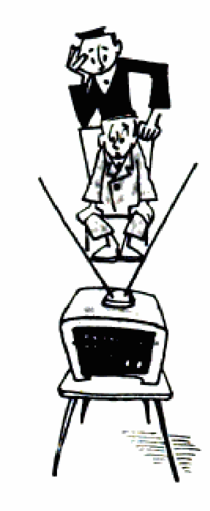
— Разве этот господин не имеет права отлучиться?

— Скажите, автомобиль его в гараже?

— Это легко проверить.

Продолжение следует.

РЕВИЗОР

Юмореска

Янка СИПАКОВ

Ревизор появился неожиданно. Словно гром с ясного неба. Обычно в таких случаях в любом учреждении творится что-то невообразимое, сходное с муравейником, в который бросили камень. Однако в конторе «Стройдеталь» стояла подозрительная тишина: никто не волновался, никто не суетился. Ревизор едва сумел вызвать на разговор одного из сотрудников, но и тот слушал его не особенно уважительно, а потом нехотя повел в кабинет начальника конторы, нетерпеливо поглядывая на часы.

В кабинете ревизор сказал:

— Ну, буду проверять вас. Несите мне ваши дела.

— Я не специалист в этих бумажках, и времени у меня нет,— заерзал сидящий в кресле человек в очках.— Это начальник попросил меня побыть за него. Идите к главному инженеру...

Ревизор направился к главному инженеру. Тот ответил:

— Простите, я не главный инженер. Я его заменяю.— И, взглянув на часы, добавил: — У меня нет свободного времени. Идите к главному бухгалтеру.

Когда главный бухгалтер заявил, что он не главный бухгалтер, а всего только вахтер, ревизор тоже стал поглядывать на часы. А когда начальник отдела сбыта оказался не начальником, а сторожем, ревизор сам заерзал на стуле. Он уже не спрашивал, где начальник конторы, главный бухгалтер, главный инженер и начальник отдела сбыта. Он сам не отводил глаз от часов и наконец сказал сторожу:

— Пять минут осталось. Где тут у вас телевизор?

Ревизор тоже оказался сторожем. Оба коллеги вошли в кабинет начальника конторы, включили телевизор и стали наблюдать футбольное состязание. А в перерыве между острыми моментами в игре «ревизор» рассказывал, как в его учреждении, собираясь на ревизию, поручали ее один другому, пока это поручение не дошло до него, сторожа.

А настоящие ревизоры были на стадионе.

Перевел с белорусского
Василий СМИРНОВ.

Коммерсант из Гамбурга

Борис ЛАСКИН

Сначала я услышал его голос — отрывистую немецкую речь вперемежку со смехом. Еще не видя его, я почему-то подумал, что так громко и преувеличенно весело смеется он для окружающих, для соседей по столику, а главным образом для меня и Морозова.

Я обернулся и посмотрел на него. Да, слишком уж он демонстрировал бодрость, и блеск свежевыбритых щек, и безупречность пробора. Откинувшись на спинку стула, прихлебывая пиво, он слушал собеседника, улыбался и поглядывал по сторонам, как бы желая убедиться, все ли сидящие в ресторане понимают, что ему чертовски весело.

Случайно наши взгляды встретились раз, потом еще раз. И вдруг с этим человеком произошло что-то странное: он, видимо, начал нервничать. Движения его, доселе плавные и неторопливые, стали резкими, суетливыми, как на киноэкране перед самым обрывом ленты.

У меня есть привычка: задумавшись, я иногда способен уставиться в одну точку и смотреть долго-долго...

Вот и тогда я смотрел на него и думал: «Интересно, кто он? По виду похож на преуспевающего коммерсанта...» В этот момент его окликнули.

— Герр Шульц! После обеда мы играем в бридж.

Фраза была произнесена по-немецки.

Шульц согласно кивнул. А я продолжал смотреть на него.

Неожиданно взглянув на часы, Шульц встал и вышел из ресторана.

Вечером, когда я поднялся на палубу, я услышал знакомый голос и потом уже увидел Шульца. Он сидел в шезлонге рядом с Морозовым. К моему удивлению, Шульц говорил по-русски.

— На мне куртка, и на вас куртка, но на вашей застежка «молния», а у меня застежка химическая. Смотрите: левая пола куртки кладется на правую, и они склеиваются. Конечно, не навсегда. Айн-цвай-драй, и они расклеились!..

— Чудо двадцатого века,— рассеянно сказал Морозов. Он перезаряжал свой фотоаппарат.

— У нас высокая техника,— продолжал Шульц.— Вот я открыл рот, и вы видите зубы. Экстра!.. У моего дантиста руки скрипача. Может быть, вам интересно, почему он стал дантистом? Потому что скрипка нужна избранным, а зубы нужны всем.

Шульц засмеялся.

— Правда, у вас в России считают, что нам, немцам, лучше не иметь зубов. Это безопасней.

— Для кого?— спросил Морозов.— Для нас?— Он усмехнулся.— Это для вас безопасней.

Шульц пожал плечами.

— Какой у вас фотоаппарат?

— Наш. «Зоркий».

— Зоркий — это видящий?

— Хорошо видящий,— пояснил Морозов. Он встал и, проходя мимо меня, тихо сказал:— Делец из Гамбурга. Разговорчив до крайности. Имеешь возможность пообщаться.

И Морозов ушел.

— Садитесь, это место свободно,— предложил Шульц.

— Спасибо.

Я сел. Закурил. Первым заговорил Шульц:

— Удивительно теплый ноябрь. Это так непривычно для нас, европейцев, не правда ли?

Я утвердительно кивнул.

— Вы впервые в Японии?

— Да.

— Сказочная страна!.. Я был в Токио по делам своей фирмы и вот возвращаюсь домой в Гамбург через Советский Союз...

Он замолчал, и мне показалось, что он ждет вопроса.

— Это значительно выгодней,— продолжал Шульц,— морское путешествие дешевле воздушного, и к тому же оно приятней, не правда ли?..

— Да, пожалуй.

— Тихий океан оправдывает свое название и ведет себя корректно,— сказал Шульц,— не правда ли?

— Пока да.

На палубе снова появился Морозов.

— Передаю последние известия. Пассажирский помощник считает, что ночью возможен шторм. Так что лично я пойду заправлюсь аэроном на всякий пожарный случай.

И, шутливо козырнув, Морозов удалился.

— Это — свойство русских,— сказал Шульц.

— Что именно?

— Видеть все в мрачном свете и ждать опасность оттуда, откуда ее ждать совсем не обязательно.

— Это вы о шторме? — сколько мог наивно спросил я.

— Да-да, только о шторме,— несколько подчеркнуто сказал Шульц.

— Согласитесь, что это присуще любому человеку, который неуютно чувствует себя в этих условиях и к тому же страдает от морской болезни. Но если вы имеете в виду нечто другое, то я вам скажу: беспечность — свойство детского возраста, а взрослые люди, и русские в том числе, предпочитают быть готовыми встретить любую опасность.

— И поэтому они спешат принять аэрон?— улыбнулся Шульц.

— Не только.

Шульц поклонился.

— Я понимаю... Скажите, почему вы на меня так пристально смотрели в ресторане?

Шульц напряженно ждал ответа.

— Потому что мне кажется, что я вижу вас... не впервые,— как бы размышляя, сказал я. И тут повторилось то, что уже было сегодня: движения Шульца обрели резкость. А я смотрел на него, с каждой секундой убеждаясь в том, что никогда прежде не встречал этого человека.

Я думал, настойчиво пытаясь понять, что же случившееся к о г д а-т о встревожило, даже испугало Шульца сегодня, в такой мирный вечер в океане, на борту теплохода, идущего под советским флагом.

И я понял. Я все понял.

— Вы были в Советском Союзе,— сказал я, и, не услышав в этой фразе вопроса, Шульц промолчал.— Кажется, я не ошибся?

— Да. Я был в Советском Союзе,— медленно ответил он и принялся старательно изучать рукав своей необыкновенной куртки.

— В качестве туриста, вероятно?

— Да... В качестве туриста.

Мне трудно объяснить, почему, но я спросил:

— Вы были на Украине?

Он ответил не сразу.

— Был.

— В каких городах?

Шульц закурил. Он пытался овладеть собой и выгадывал время.

— Я был у вас в разных городах, и не только на Украине.

— И как же вас там встречали?

Он не ответил.

— А в Москве вы были?

— Нет.

— Изменился маршрут?

— Да.— Шульц посмотрел на меня, и глаза его сузились. Казалось, он прицеливается.— Да, к сожалению, изменился маршрут.

— А вы хорошо говорите по-русски.

— Благодарю вас. Языки мне даются легче, чем другие науки.

— Чем история, например. Эта наука тоже требует хорошей памяти.

Мы помолчали.

— Стало прохладно,— сказал Шульц,— извините, я пойду к себе.

Он отошел и тут же вернулся.

— Кстати, о памяти. Мне хочется что-нибудь оставить вам на память о нашей случайной встрече на вашем теплоходе.— Он вынул из кармана кошелек.— Вы случайно не нумизмат? Вы не собираете монеты? Нет? Напрасно. Это очень увлекательно. Я вам подарю нашу монету. Видите, с этой стороны единица — одна марка, а с этой стороны федеральный орел.— Он протянул мне монету.— Прошу вас, возьмите это на память.

— Спасибо. Чем же мне ответить?..

— Это совсем не обязательно.

— Впрочем, погодите, погодите... Вы-то ведь нумизмат...

Я достал из кармана монету.

— О, это что-то новое,— оживился Шульц.— Такой монеты я еще не видел.

— Это юбилейный рубль. Видите, на этой стороне советский герб, а на этой... Вам, кажется, плохо видно.

Я чиркнул зажигалкой, и колеблемый ветром огонек осветил монету.

— Видите, в центре изображение памятника в Трептов-парке. Это советский солдат. На одной руке у него спасенный им ребенок. В другой руке меч, разрубивший свастику. А вот по окружности надпись: «Победа над фашистской Германией. Двадцать лет». Возьмите,— сказал я Шульцу и положил монету на его ладонь,— возьмите это на память.

СНАРЯД ЖЮЛЯ ВЕРНА

Космический снаряд не новинка. Он давно уже существует у Жюля Верна. Перед вами на снимке космический снаряд, сделанный на одной ирландской киностудии, где снимается фильм по роману французского писателя-фантаста.

ТРЕСКА-ГИГАНТ

Экипаж рыболовного траулера «Кехта» из колхоза «Северный рыбак» выловил в Баренцовом море огромную треску.

Г. МАМИНОВ

ДЛИННОУХИЕ ЛЮБИМЦЫ

В Англии вошло в моду держать дома ослика. Лондонский дрессировщик и зоолог Робин Борвик просто завален заказами на длинноухих животных.

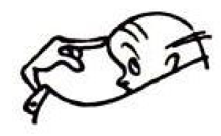

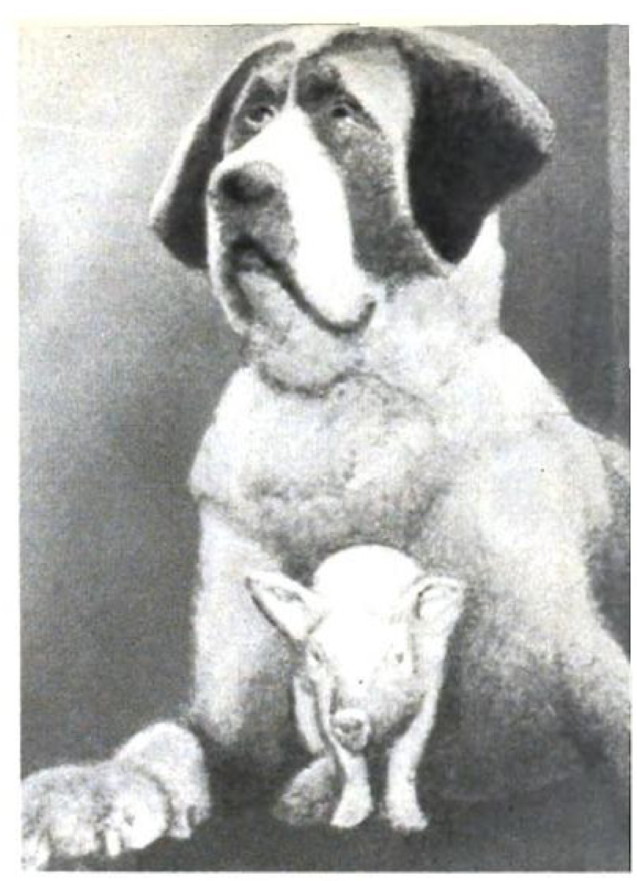
БЕСКОНЕЧНАЯ РАБОТА

В Сан-Франциско живет 65-летний Питер Ван, который целых 23 года непрерывно красил знаменитый мост через Золотые Ворота. Когда он доходил до конца этого длинного сооружения, наступало время снова красить другой конец.

УКРАДЕННАЯ ПАМЯТЬ

Лондонский психолог Джон Бартли читал студентам лекцию на тему «Как развить свою память». Во время перерыва какой-то шутник стянул с кафедры листки с тезисами профессора. Лекцию пришлось прервать, так как Бартли без своих заметок не мог вспомнить, о чем говорить дальше.

МИЛИ И ДЖЕКИ

Поросенок Мили из калифорнийского зоопарка подружился с сенбернаром Джеки. В его обществе малыш чувствует себя в полной безопасности.

НОВИНКА ОПТИКИ

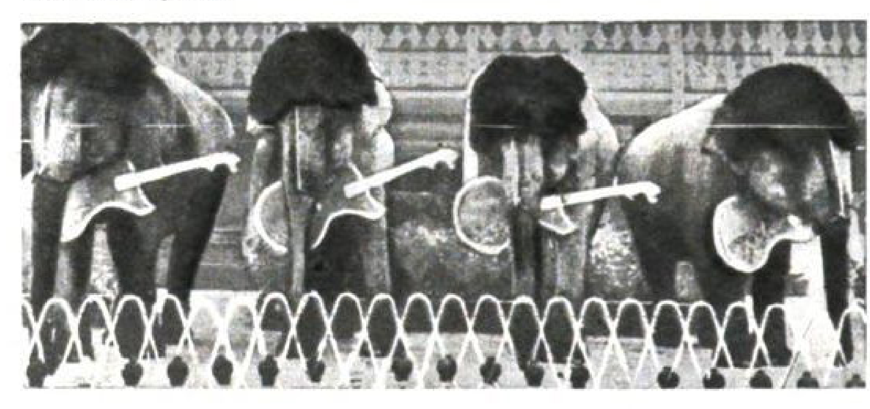
Такие очки стали выпускать в Японии. Их обладатель видит все, что происходит за спиной.

ОГОРОДНЫЙ РЕКОРДСМЕН

Югославский пенсионер Вонн Милетич выращивает в своем огороде огурцы длиной в полтора метра.

НЕОБЫЧНЫЙ КОНЦЕРТ

«Битлзы снова в Дании» — гласили объявления в газетах Копенгагена. Любители музыки битлзов кинулись доставать билеты. Однако оказалось, что речь шла о концерте в цирке «Варнум», где выступали слоны в косматых париках.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Кинорежиссер, народный артист СССР. 7. Кристаллическая горная порода. 8. Английский естествоиспытатель и врач. 9. Столица европейского государства. 10. Площадка для бокса. 12. Остров в Средиземном море. 15. Металл. 16. Советский писатель. 17. Водитель сельскохозяйственной машины. 20. Мелкая промысловая рыба. 21. Ягода. 22. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 25. Единица измерения радиоактивности. 26. Река в Латвии. 29. Сахаристый продукт. 30. Духовой инструмент. 31. Равносторонний прямоугольник.

По вертикали:

1. Горный массив на Урале. 2. Птица семейства ястребиных. 3. Немецкий композитор. 4. Приток Олекмы. 5. Русский живописец. 6. Курорт в Львовской области. 9. Стихотворение Н. А. Некрасова. 11. Декоративное растение. 12. Персонаж романа А. Фадеева «Разгром». 13. Озеро в США и Канаде. 14. Музыкальное произведение в быстром темпе. 18. Рулевое колесо. 19. Административно-территориальная единица в СССР. 23. Ящерица. 24. Драгоценный камень. 27. Хищное животное. 28. Разменная монета многих стран.

На первой странице обложки: праздник урожая в колхозе «Советская Белоруссия», Брестской области.

На последней странице обложки: Минск, площадь Победы.

Фото М. Савина.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

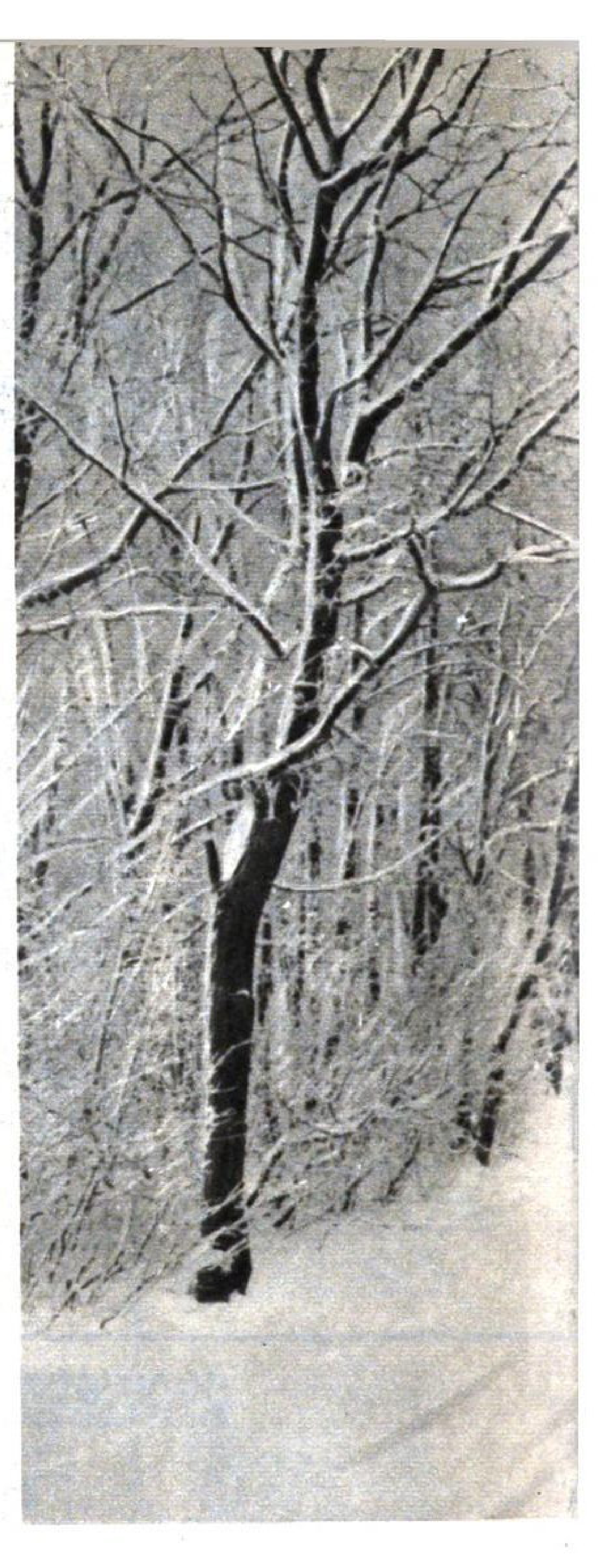
По горизонтали:

5. Подлежащее. 6. Эпитет. 8. Ильмень. 10. Фирс. 11. Африка. 13. Оливер. 15. Трасса. 17. Маргаритка. 18. Муссон. 20. Скирос. 22. Качели. 23. Ясли. 24. Гамбург. 25. «Тронка». 26. Дебаркадер.

По вертикали:

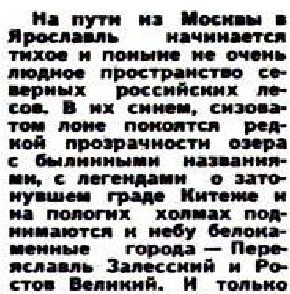
1. «Богема». 2. Терцина. 3. Лацис. 4. Вельмо. 7. Перекладина. 9. Новокузнецк. 12. Кормило. 14. Лужайка. 15. Терем. 16. Алтын. 19. Соллюкс. 21. Скутер. 22. Караев. 23. Ягуар.

КАРАБИХА

Кабинет и зал в восточном флигеле дома.

К 145-летию со дня рождения Н. А. Некрасова

На пути из Москвы в Ярославль начинается тихое и поныне не очень людное пространство северных российских лесов. В их синем, сизоватом лоне покоятся редкой прозрачности озера с былинными названиями, с легендами о затонувшем граде Китеже и на пологих холмах поднимаются к небу белокаменные города — Переславль Залесский и Ростов Великий. И только на самых подступах к большому промышленному Ярославлю ландшафт сильно меняется, обретая резкий современный рисунок. Окрестности старинного села Карабиха, расположенного от оживленного города всего в пятнадцати километрах, во многом сохранили ту чарующую, берендееву силу северных лесов, которая сто лет назад увлекла сюда Николая Алексеевича Некрасова.

В карабихскую усадьбу поэт постоянно наезжал последние десять лет своей жизни, испытывая здесь необыкновенный творческий подъем.

Какой восторг! За перелетной птицей
Гонюсь с ружьем, а вольный ветер нив
Сметает сор, навеянный столицей,
С души моей. Я духом бодр и жив,
Я телом здрав. Я думаю... мечтаю...

Но во время бесконечных охотничьих хождений по ярославским лесам поэту снова и снова приходилось видеть нищету и бесправность крестьянина. Горькие, пронзительно-печальные песни навеял ему этот край, где бодрая и здоровая красота природы нестерпимо подчеркивала убогую, анафемскую жизнь разоренных деревенек. Отсюда, из этих мест, отправились в скорбный путь по Руси семь некрасовских странников, здесь поэту поведала свое горе Орина — мать солдатская, и здесь он повстречал своих коробейников. Великие стихи о русском крестьянстве прозвучали из Карабихи по всей России и создали их творцу народную славу.

В восточном флигеле усадьбы сохранились жилые комнаты поэта: небольшой зал с высоким камином и покойным креслом перед ним (здесь, наверное, отдыхал и отогревался поэт после охотничьих скитаний), тихий кабинет, в котором прежде всего останавливает внимание тяжелый письменный стол с листками некрасовских рукописей на нем; библиотека со шкафами томов «Современника»; наконец, столовая — здесь радушный хозяин принимал гостей — Островского, Салтыкова-Щедрина, Григоровича, поэта Плещеева...

Из зала есть выход на открытую террасу с видом на парк, который полого спускается в низину с маленьким прудом и ключами, затерявшимися среди старых лип, вязов и зарослей орешника. Некрасов любил часами прохаживаться по тихим дорожкам парка, отдыхать на уединенной скамейке, прислушиваясь к шуму деревьев и чуть внятному звону неумолчных ключей.

Я посетил заброшенный наш сад;
Он все темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленым сводом

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Фото А. ГОСТЕВА.

Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

В парке до недавнего времени рос одинокий кедр. Рассказывают, под сенью его Некрасов впервые прочитал родным главы из поэмы «Русские женщины», написанной в Карабихе.

С террасы открывается долина с лесами и извилистой речкой, которая медленно течет к своему счастливому пределу — к могучей, величественной Волге, с такой любовью и надеждой воспетой Некрасовым.

Белокаменный дом усадьбы, увенчанный высокой башней, с долины, со стороны великой реки видится стремительным кораблем над зелеными волнами леса. Ему сейчас дано другое назначение — хранить в памяти счастливых и свободных потомков подвиг мужественного певца и гражданина. Но в былые времена, при жизни поэта, не тщетно накатывались на него соленые волны людского горя и слез. И чуткая, кровоточащая муза Некрасова эхом разносила их прибойный шум по всей страдающей России.

Н. СЕРГОВАНЦЕВ

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-31-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10766. Подписано к печати 7/XII 1966 г. Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 1 990 000. Изд. № 2157. Заказ № 3243.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663